

ИЛОНА ШИКОВА

В

РЕДИНА

ДЛЯ ЧЕМПИОНА

Противоположности

Илона Шикова

Вредина для Чемпиона

«Илона Шикова»

2021

Шикова И.

Вредина для Чемпиона / И. Шикова — «Илона Шикова»,
2021 — (Противоположности)

Меня зовут Алексей Пантелеймонов, и до недавнего времени я не представлял свою дальнейшую жизнь без спорта. Пока отец не “подложил свинью” – переписал на меня весь свой бизнес. И теперь вместо чемпионата мира мне приходится сидеть в кресле генерального директора. Еще и случайная встреча с одной очаровательной врединой спутала все карты. Я ненавижу ее, потому что пять лет назад она мне не поверила, перечеркнув всё, что между нами было. И сейчас я собираюсь ей отомстить, забрав самое дорогое, что у нее есть. Только к чему приведет моя месть? От ненависти до любви один шаг, но между нами пока целая пропасть...

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	13
Глава 5	16
Глава 6	18
Глава 7	20
Глава 8	22
Глава 9	24
Глава 10	27
Глава 11	30
Глава 12	33
Глава 13	36
Глава 14	38
Глава 15	40
Глава 16	43
Глава 17	45
Глава 18	47
Глава 19	50
Глава 20	52
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Илона Шикова
Вредина для Чемпиона

© Илона Шикова, 2022

Глава 1

POV Алексей

– Ну что, Алексей Викторович, не передумал еще бизнес продавать? – напротив меня за столом для переговоров сидит юрист и скалится.

– Нет, – ворчу в ответ, просматривая только что подписанные контракты.

Настроение ниже плинтуса, и улыбаться нет никакого желания. Как и культурно отвечать, ходить вокруг да около и давать никому ненужные обещания.

Вот скажите на милость, зачем этот старый хрыч, который именуется моим отцом, переписал на меня весь свой бизнес? Он мне даром не нужен, но приходится теперь сидеть в кресле генерального директора и делать вид, что мне безумно нравится управлять компанией с миллионными доходами.

Бесит! В последние три с половиной месяца меня все невероятно бесит и раздражает. Я не хочу решать вопросы, заключать контракты и управлять компанией отца. Не хочу! Но юрист продолжает скалиться, а я в ответ все также ворчу с недовольным видом, наблюдая его ехидные ухмылки в мой адрес.

– Леша, мы только что заключили офигенный контракт! – Мужчина разводит руками, всем своим видом показывая, как он доволен. – Даже два! Семь нолей! Огромные перспективы в будущем! Скажи, твой волейбол даст тебе столько бабок?

– Да при чем здесь бабки, – фыркаю и встаю со своего места, никак не разделяя восторгов юриста. – Мне всего двадцать восемь, еще лет шесть можно было играть спокойно и не думать ни о чем. Спорт – это моя жизнь, – я тяжело вздыхаю, а мужчина все также продолжает скалиться и ехидно усмехаться. Такое чувство, что решил меня окончательно вывести из себя. – Это мое всё. Тебе не понять, – делаю собственные выводы, печально вздыхаю и отворачиваюсь к окну, засовывая руки в карманы.

Меня действительно не интересуют миллионные контракты. Мне достаточно того, что я имею. И пофиг на бизнес, новых клиентов и ехидные ухмылки юриста.

Как же меня все достали!

– Мальчик мой, – слышу, как за спиной отодвигается стул, а значит мой нынешний собеседник встает со своего места. – Я старше тебя всего на десять лет, но в бизнесе, в отличие от тебя, давно. Восемь лет я работал бок о бок с твоим отцом. Поверь, он хороший человек и отличный руководитель.

– Серьезно? – резко разворачиваюсь лицом к юристу и впиваюсь в него пристальным взглядом. – Ты, Григорий, матери моей об этом расскажи, какой замечательный у нее муж. Был, – зло добавляю и бью ладонью по креслу, которое чуть не падает на пол. – Хороший, говоришь? – Опираюсь руками о стол, все также сканируя лицо своего собеседника. – Он бросил мою мать с двумя детьми и уехал в Москву с длинноногой моделью. У него бабы менялись со скоростью света, бизнес надо было раскручивать, поэтому на нас, видите ли, не хватало ни времени, ни сил, ни тем более средств.

– Да всё я понимаю, Леш, – машет рукой юрист, но я уже завелся не на шутку.

– Родная дочь к нему даже на похороны не приехала, – продолжаю стоять в той же позе, упираясь теперь уже кулаками в стол. – А у меня просто выбора не было. Точнее, ты мне его не оставил, надавив на жалость, – тычу пальцем в сторону Григория.

Я замолкаю, а с лица мужчины медленно сползает улыбка. Он вертит пальцами правой руки мобильный телефон и отводит взгляд, видимо, не желая комментировать мои выпады. Не хотел же беречь прошлое, поддался на уговоры юриста хотя бы просто рассмотреть предложение новых клиентов и возможный контракт, а в результате – меня все больше затягивает в этот омут под названием “бизнес”.

– Леша, не горячись, – мужчина поднимает на меня глаза. – Так сложились обстоятельства, и ты ничего не можешь поделать с этим.

– Мои пацаны сегодня проводят очередную игру на чемпионате мира, – медленно выпрямляюсь и сцепляю зубы. – Я должен быть там, на поле, – делаю паузу, – а не здесь. Твою ж...

Снова резко разворачиваюсь спиной к Григорию и смотрю в окно. Желваки ходят ходунком, и мне безумно хочется почесать об кого-то кулаки. Бессилие в сложившейся ситуации напрягает и рвется наружу в виде злости и раздражения.

Первая половина декабря, и на улице идет снег. Холодно и мрачно, так же, как у меня на душе.

– Леха...

– Я хочу продать бизнес и точка, – выдаю на одном дыхании, даже не поворачиваясь к своему собеседнику лицом.

– Твое право, – негромко отвечает тот. – Но я бы на твоём месте ещё раз хорошо подумал, – и выходит из конференц-зала, видимо, не желая вступать со мной в дальнейшие дискуссии по поводу бизнеса.

Три часа переговоров, и на столе остается лежать подписанный контракт. Даже два. Как и сказал юрист – с семью нулями по итогу. Может кто-то и порадует такому повороту событий, но только не я. Для меня эти бумажки – пустой звук и потраченное впустую время. И нули не играют никакой роли. Я хочу на волейбольную площадку – это смысл моей жизни. Был, по крайней мере, до недавнего времени.

Четыре года назад я пропустил чемпионат мира, потому что получил травму колена. Врачи в один голос твердили, что большой спорт для меня закрыт навсегда, но я собрал всю силу воли в кулак и выкарабкался. Меня снова взяли в сборную страны. Хоть Россия и не заняла в тот год ни одного призового места, я твердо верил в то, что у меня все впереди.

В прошлом году я в составе сборной стал чемпионом Европы, а в этом собирался покорить мир.

Но у судьбы, как оказалось, на меня другие планы. Чуть больше трех месяцев назад я и подумать не мог, что сяду в это дурацкое кресло и стану генеральным директором. Фирмы, которую основал мой отец. Конечно же, на раскрутку бизнеса ушли годы, на протяжении которых он забыл о своей семье. Мать пахала на двух работах, чтобы хоть как-то прокормить нас с сестрой, а я упорно шел к своей цели, занимаясь спортом.

Еще в старших классах меня заметили и пригласили в юношескую сборную. Карьера стремительно пошла вверх – сначала российские, затем заграничные волейбольные клубы, зарплата в евро, личный автомобиль и перспективы в будущем. Маме не нужно было теперь много работать, чтобы прокормить нас – эту функцию я взял на себя. К тому времени уже и отец довольно крепко стал на ноги и начал помогать финансово, хоть его об этом никто не просил.

В семнадцать лет я с командой победил на чемпионате мира среди юношей. В восемнадцать – мы завоевали кубок мира среди молодежных сборных. В моей коллекции не хватало только одной медали. Чемпион, твою мать.

– Я тебя ненавижу, – произношу в пустоту, глядя вдаль.

Даже после его смерти я не могу его простить...

Глава 2

3,5 месяца назад...

Дорога от моего родного города до столицы неблизкая, но я люблю водить автомобиль, хотя поезда с автобусами стали довольно привычным способом передвижения за последние несколько лет. Я недавно прикупил новенький внедорожник, но так как на просторах родины появляюсь не часто, то и объездить его как следует не хватало времени. Зато сейчас отрываюсь по полной программе. К тому же, в огромном мегаполисе без личного транспортного средства довольно проблематично добираться в нужное место вовремя.

В салоне прохладно, а из динамиков льется лирическая мелодия – еще бы рядом с собой девушку посимпатичнее с большой грудью и длинными ногами – и полный комплект, как говорится.

Личным жильем в столице еще не обзавелся, потому что бываю там редко, исключительно на сборах, а переезжать в столицу не планирую. По крайней мере, в ближайшие лет пять. А то и дольше.

Чтобы не ютиться на базе с кучей народа, попросил ключи от квартиры у своего лучшего друга Артема Вишневецкого. Она частенько выручает меня, когда вызывают на сборы в срочном порядке.

Останавливаюсь в придорожной забегаловке, чтобы немного размяться и выпить кофе. На улице начинает темнеть, и можно смело открыть окна в машине, чтобы прохладный воздух наполнил салон и обдувал лицо во время поездки.

Полутеплый кофе невкусный, но сегодня ничто не испортит моего и без того хорошего настроения. Скоро чемпионат мира по волейболу, и я, наконец-то, туда попаду. Четыре года назад в это же время провалялся в больнице с травмой и пропустил всё на свете, но сейчас ничто не сможет лишить меня самой заветной мечты моей жизни: я хочу стать чемпионом мира по волейболу, выступая за сборную своей страны.

На мобильном начинает играть мелодия. Смотрю на экран – номер незнакомый. Кривлюсь, так как очень не люблю, когда называют неизвестные мне абоненты, но принимаю вызов, так как любопытство пересиливает.

А зря, как оказывается позже.

– Слушаю, – довольно твердо произношу, выбрасываю пустой стаканчик в мусорный бак и двигаюсь к своему автомобилю, на ходу нажимая на брелок, чтобы снять сигнализацию.

– Пантелеймонов Алексей Викторович? – неизвестный мужской голос задает вопрос довольно строгим тоном.

– Он самый, чем обязан? – открываю дверь и усаживаюсь в салон.

– Меня зовут Григорий Михайлович Воронов, – мужчина делает паузу, а я понимаю, что где-то уже слышал эту фамилию. – Вы меня не помните?

– Не помню, – ворчу в ответ и завожу двигатель.

– Я работаю юристом на фирме вашего отца.

Мужчина снова запинается, а я замираю. Выключаю мотор, так как понимаю – сейчас меня ошарашат новостью. Да такой, что все моё хорошее настроение мгновенно испортится.

Только не это. Господи, пожалуйста, не дай им разрушить все мои планы. И нафига, спрашивается, я поднимал трубку?

– Так чем обязан? – повторно задаю банальный вопрос и не узнаю свой голос, который охрип, а слова произносятся с трудом.

– Дело в том, что Виктор Афанасьевич в больнице, – и снова юрист делает паузу. Если хочет таким образом произвести на меня впечатление, то зря старается.

– Мне-то что, – только сейчас понимаю, что практически не дышал все это время в ожидании новостей.

– Он при смерти, – добавляет Григорий, а через пару секунд заканчивает: – И хочет вас видеть.

– Мне плевать, чего он хочет, а чего нет, – снова завожу мотор, так как дальнейший разговор считаю бессмысленным. – Так ему и передайте.

– Вы не могли бы приехать в столицу? – не унимается мужчина на другом конце провода.

Такое чувство, что в него бес вселился, и он перестал понимать русский язык. Ведь я четко сказал, что у меня нет никакого желания видеть отца, так к чему эта настойчивость со стороны Григория Михайловича?

– Завтра как раз там буду, – включаю левый поворотник и смотрю в зеркало, чтобы никого не подрезать, когда буду выезжать на трассу. – Только не пойму, чем могу вам помочь. Встретаться с отцом я не буду, можете даже не уговаривать.

– Давайте созвонимся завтра, и я все вам объясню. Счастливой дороги.

И он первым отключается. Фыркаю, бросаю телефон на соседнее кресло, после чего выезжаю на полупустую трассу.

Мужчина оставил последнее слово за собой, чтобы я не отвертелся от встречи. Ну и ладно, у меня все равно не будет времени с ним увидеться. Он еще даже не подозревает, что такие сборы перед чемпионатом – там вздохнуть некогда, не то что куда-то ехать и с кем-то встречаться.

К тому же я лучше проведу время с друзьями, которых давно не видел, чем буду сидеть возле больничной койки, в пол-уха слушая, как дела у человека, который именует себя моим отцом.

В последнее время он начал довольно часто названивать, предлагая нам встретиться в неформальной обстановке. Один раз даже уговорил, когда сам прилетел в Италию на какие-то переговоры. Как обычно, предлагал бросить большой спорт и уйти в бизнес. К нему. Так как он собирается на заслуженный отдых, а потому планирует предать мне бразды правления своей империей.

Как же, разбежался! Мне даром не нужен ни он, ни его чертов бизнес, ни всё вместе взятое. Именно третий пункт – пусть катится со своими предложениями куда подальше. И я никогда ему не прощу ни измен маме, ни его предательства, когда мне нужна была его помощь пять лет назад.

От воспоминаний даже руки вспотели, а желваки начали ходить ходуном. Поздно, папа, каяться. Все равно я не приеду и не прощу тебя, как бы ты ни просил.

Еще два часа ровной дороги и тяжелых воспоминаний, и я въезжаю в столицу. Дороги довольно пустынные, как для многомиллионного мегаполиса, поэтому до нужного адреса добираться довольно быстро. Паркуюсь во дворе элитной многоэтажки и поднимаюсь на лифте на восьмой этаж, где у Артема личная квартира, которая временно станет моим домом. Есть не хочется, хоть и устал с дороги жутко. Бросаю сумку – завтра распакую, сейчас сил нет даже двигаться, не то что плестись в ближайший супермаркет или кафе. Принимаю контрастный душ, стелю себе постель и укладываюсь спать. Завтра меня ждет тренер в одиннадцать часов, поэтому надо как следует отдохнуть перед встречей.

Но моим планам не суждено сбыться – ровно в шесть утра звонит мобильный. А на экране вчерашний номер. Вот же неугомонный, этот Григорий, как его там по отчеству.

– Да, – кричу в трубку, так как терпеть не могу, когда меня будят по утрам.

– Алексей, – вздыхает мужчина на другом конце провода. – Твой отец скончался полчаса назад.

Значит, не дождался меня.

Юрист диктует адрес офиса (как будто я его не знаю) и предлагает через два часа встретиться в кабинете генерального директора. Хоть мне и не нравится эта идея, но соглашаюсь. Выслушаю, посочувствую и откланяюсь, так как времени свободного у меня нет. И не предвидится в ближайшие несколько дней.

Отбрасываю телефон в сторону – еще полчаса можно смело подремать.

Глава 3

– Чтобы не ходить вокруг да около, предлагаю сразу перейти к главному, – Григорий сидит на одном из стульев для посетителей, а я опираюсь о подоконник и складываю руки на груди.

Кабинет отца впечатляет. Я бывал здесь несколько раз, но всегда вылетал, как пуля, еще и с плохим настроением в придачу. И только сейчас у меня достаточно времени, чтобы рассмотреть богатство интерьера, дорогую мебель и новомодную технику. Красиво, дорого и очень стильно, но мне, как и раньше, плевать на всю эту показательную роскошь.

– Как скажете, – я довольно спокойно соглашаюсь, глядя, как юрист перекладывает бумажки на столе. – Надеюсь, это не займет много времени, потому что я очень спешу.

– Алексей, – мужчина поднимает на меня глаза и вздыхает. – Давай на “ты” и откровенно.

– Ну, давай, – усмехаюсь, так как пока не совсем понимаю его серьезного тона.

Что он может мне предложить? Даже если отец написал завещание, то до его вступления в силу должно пройти полгода. Пусть горит синим пламенем его компания – мне плевать с высокой колокольни.

– Завтра похороны, и ты должен там присутствовать, теперь уже как глава семьи и единственный наследник.

– Я никому, – делаю паузу, – ничего, – произношу по слогам, – не должен.

– Ну, не этой же крашеной дуре завтра принимать соборезнования, – Гриша вспыхивает, как спичка, повышая голос.

– Какой из них? – снова усмехаюсь, наблюдая, как мужчина злится.

– В смысле? – он поворачивает голову в мою сторону, замирая на месте, хотя перед этим ходил взад-вперед вдоль стола.

– У него их столько было, что всех запомнить невозможно.

– Подожди, – он пристально смотрит мне в глаза. – То есть ты...

– Давай я тебе сразу всё объясню, чтобы ты меня понял правильно, – тяжело вздыхаю, так как разговор не из приятных. Но без подробностей не обойтись, иначе Гриша так и будет блуждать в трех соснах, не зная, как на самом деле обстоят дела.

– Отец бросил нас, когда мне было пятнадцать, а Диане, моей сестре, всего семь. Мать работала учительницей математики в школе днём, дополнительно брала учеников, а ещё преподавала в вечерней школе, чтобы хоть как-то свести концы с концами. Отец не появлялся семь лет. А потом внезапно свалился нам, как снег на голову, но на тот момент лично мне уже стало безразлично, есть он или нет. Я доступно объясняю? – поднял обе брови вверх.

– Вполне, – сквозь зубы произнес Григорий, видимо, начиная понимать, к чему я клоню.

Если честно, его чувства и желания в тот момент меня не интересовали от слова вовсе. Я не хотел ни присутствовать на похоронах, ни тем более становиться наследником Пантелеймонова Виктора Афанасьевича. Всё, что у меня осталось в память о нем – это фамилия и отчество. Тут уж, как говорится, родину и родителей не выбирают.

– Его не было на матче, когда я выиграл свой первый в жизни чемпионат, – я продолжаю спокойно свой рассказ. – Он так же отсутствовал, когда Диана вместе с группой победили на всероссийском конкурсе творческих коллективов. Он когда-то так мечтал о дочери, но через несколько лет легко и быстро забыл о ней напрочь и пропустил часть ее жизни. А потом вдруг снова появился.

– Но ведь в последнее время вы общались, – прерывает мою пламенную речь юрист.

– Если это можно так назвать, – я тяжело вздыхаю и качаю головой из стороны в сторону, ухмыляясь. – Каждая наша встреча заканчивалась скандалом. Отец настаивал, чтобы я бросил спорт и возглавил его фирму, а я в ответ посылал его нафиг и выбегал из кабинета. Как тебе

общение? – очередная ухмылка появляется на моем лице. – Да, он купил нам загородный дом в моем родном городе, начал помогать финансово матери с сестрой, но где он был раньше, когда действительно был нужен?

– Теперь послать некого, – Григорий разводит руками, игнорируя мой последний вопрос. – И придется возглавить компанию.

– Ты о чем?

Кровь застывает в жилах, а сердце, кажется, на долю секунды останавливается. Глядя на ехидное выражение лица юриста, мне становится не по себе. Точно, меня ожидает какая-то ловушка. Нет! Нет! И еще раз нет!

Он не мог так поступить со мной.

Только не это!

– Неделю назад Виктор Афанасьевич переписал на тебя все свое имущество, – с довольным видом вещает юрист, наблюдая, как я меняюсь в лице, а мои глаза округляются. – Он знал, что ты приедешь, поэтому готовил сюрприз. Он чувствовал, понимал, что виноват перед тобой, и просил передать, – мужчина делает паузу, глядя пристально мне глаза. – Прости меня, сынок, – копирует интонацию отца. – Жаль, не дожил до этого момента и сам не смог тебе сказать эти слова.

– Твою мать, – резко вырывается у меня, и я больше не сдерживаю эмоций.

Рука судорожно треплет волосы, затем спускается на лицо, закрывая его полностью.

Я сплю, это какой-то страшный сон – такого не может быть! Зачем, папа, мне всё это надо? Какого хрена ты мне устроил эту ловушку?

– Он давно собирался на покой, сердце шалило, – продолжает довольно спокойно Григорий, а у меня внутри бушует вулкан. – Ты не можешь отказаться, – мужчина смотрит на меня исподлобья, а я в ответ произношу со злостью:

– Я все могу! Плевать я хотел на его бизнес и его подачки. Слышишь, папа? – поднимаю голову вверх. – Мне плевать, – произношу чуть ли не по слогам.

– Леша, для начала успокойся, – Гриша берет со стола бумаги. – Четырехкомнатная квартира недалеко от центра, три автомобиля, загородный дом и солидный банковский счет, – перечисляет мужчина, но я слушаю в пол-уха. – А также его детище – компания “Oil-транс”. Нефть, газ, бензин – это одно из самых доходных предприятий в стране.

– Продавай, – я резко отрываюсь от подоконника и делаю пару шагов вперед, когда рука юриста ловит меня, заставляя остановиться.

– Подожди, Леша, – медленно поворачиваю голову в его сторону. – А как же тысячи сотрудников, которые у нас работают и кормят свои семьи? – мужчина кривится, а я в ответ молчу. – И купить теперь уже твой бизнес может только один человек – Крестовский Андрей Сергеевич.

Он пристально смотрит мне в глаза, а у меня в голове только одна мысль – это ловушка. Самая что ни на есть ужасная ловушка, в которую меня загнали, как мышшь!

– Отдай за бесценок любому, кто захочет...

– Крестовский не позволит, – резко перебивает меня юрист. – С ним никто в здравом уме и твердой памяти не станет тягаться. А он давно положил глаз на империю твоего отца.

Тяжелый вздох со стоном вырываются из груди. Если я сейчас сдамся, то проиграю окончательно. А если не откажусь от этого наследства, то навсегда попрощаюсь со своей мечтой. Это тупик. И выхода из него нет.

Снова стону, в глубине души понимая – Крестовскому я не уступлю.

Григорий хлопает меня по плечу и оставляет в кабинете одного.

Плюхаюсь в кресло генерального директора, в котором еще какую-то неделю назад сидел мой отец, и закрываю глаза.

Зачем, папа, ты это сделал?

Глава 4

Я смутно помню и сами похороны, и лица людей, которые пришли, чтобы проститься с отцом. Их соболезнования, а также слова восхищения, каким замечательным человеком был Виктор Афанасьевич, пролетают мимо ушей. Григорию стоит отдать должное и сказать “Большое спасибо за поддержку”. Он всегда стоит рядом, пытаясь оградить меня от кучи ненужных людей, которые желают меня «поддержать».

Вчера я встречался с главным тренером сборной. Степан Юрьевич выслушал меня, тяжело вздохнул, после чего ответил довольно эмоционально:

– Пантелеймонов, вот любишь ты сюрпризы.

– Я не специально, – проворчал в ответ и скривился.

– Четыре года назад травмировался перед самым чемпионатом, – продолжал вещать тренер. – Теперь это. Ты понимаешь, Леша, что третьего шанса не будет? – мужчина впился в меня пристальным взглядом, а мое и без того плохое настроение упало ниже плинтуса.

– Понимаю, – зло выдал, сжимая руки в кулаки. – Мне нужно время, чтобы продать этот чертов бизнес.

– У тебя его нет, – сделал правильный вывод тренер и похлопал меня по плечу. – Времени, я имею в виду. Замену мы тебе, конечно же, найдем. Сам понимаешь, незаменимых у нас нет, хоть ты и один из лучших игроков команды. Может, есть какой-то другой вариант?

– Есть, – я смотрел на Степана Юрьевича сверху вниз. – Забить на это дело, оставить тысячу человек без работы и разорить компанию.

– Но ведь можно кого-то нанять вместо себя, – мужчина поднял обе брови вверх, ожидая ответа на вопрос.

– Можно, – я кивнул утвердительно головой. – Но там такая волокита с бумагами. Как мне объяснил юрист, нужен как минимум месяц, чтобы со всем разобраться. Там какой-то хитро-мудрый Устав, – сделал паузу и тяжело вздохнул. – Короче, отец меня загнал в угол.

Тренер промолчал, еще раз похлопал меня по плечу и ушел. А я так и остался стоять посреди огромного зала, в котором через полчаса начнется тренировка...

Кто-то теребит меня за плечо, и я прерываю воспоминания о вчерашней встрече. На душе тошно от бессилия и от всего происходящего тоже. Поднимаю глаза вверх и натываюсь на пристальный взгляд Григория.

– С тобой все в порядке? – спрашивает мужчина немного испуганным голосом.

– Нет, – честно отвечаю и оглядываюсь по сторонам.

Мы сидим в ресторане, который арендовала фирма отца для поминок, а люди уже встают со своих мест и направляются к выходу.

– Леш, не принимай все слишком близко к сердцу, – Григорий вздыхает.

– Проехали, – я встаю со своего места, отодвигаю стул и замираю в ожидании юриста.

Он поднимается следом, и уже через пару минут мы выходим из ресторана на улицу. Жара, духота, но кондиционер в автомобиле спасает. Поток машин на проспекте, а я даже не пытаюсь запомнить дорогу до дома, где теперь имею собственную квартиру. Единственное, что радует в данный момент – через несколько минут я выгоню какую-то крашеную дуру на улицу, где ей самое место. Даже не знаю, как ее зовут. Видел мельком на кладбище, где блондинка с силиконовым бюстом и такими же надутыми губами пыталась изображать из себя расстроенную вдову.

Попросил Григория, чтобы охрана не пускала ее в ресторан, если он хочет видеть меня там. Пусть выбирает – либо она, либо я. Юрист кивнул, после чего отправился отдавать распоряжение начальнику службы безопасности.

Автомобиль паркуется во дворе элитной многоэтажки, и я первым покидаю салон.

– Куда? – дожидаюсь, когда Григорий со мной поравняется, и мы вдвоем направляемся к среднему подъезду.

– Четвертый этаж, квартира шестьдесят два, – спокойно произносит мужчина и пропускает меня в подъезд первым.

Двигаюсь исключительно на автомате, так как даже думать ни о чем не хочу.

Знакомлюсь с охранником, представляясь новым владельцем шестьдесят второй квартиры. Он объясняет, что три автомобиля, которые ранее принадлежали моему отцу, стоят на подземном паркинге. Григорий подтверждает информацию, заявляя, что все документы, как и ключи, передаст мне лично чуть позже.

– Как ее хоть зовут? – спрашиваю, когда мы поднимаемся с мужчиной на лифте.

– Альбина, – тяжело вздыхает мужчина, а я в ответ усмехаюсь.

– Оригинально, ничего не скажешь.

Двери лифта открываются, и мы попадаем на просторную площадку четвертого этажа. Перед нужной дверью замираю – ни разу здесь не был, и если бы не сложившиеся обстоятельства, то никогда бы не переступил порог этого дома. А Гриша тем временем достает из кармана ключи, открывает дверь и снова пропускает меня вперед.

Двухъярусная квартира впечатляет. По крайней мере, огромный зал с кухней-студией я могу лицезреть прямо сейчас. Григорий по-свойски проходит за барную стойку, достает из холодильника минералку и наливает в стакан, после чего выпивает залпом. Я медленно двигаюсь по комнате и нахожу две двери – одна, как выясняется позже, это ванная с туалетом, другая – кабинет отца, теперь, как понимаю, мой. Твою ж...

– Какие люди, – мои невеселые мысли прерывает женский голос, и мы с Григорием поворачиваем головы в сторону лестницы, по которой спускается блондинка.

Та самая Альбина, которая пару часов назад пыталась изображать из себя скорбящую вдову. На ней надето короткое черное платье, плотно облегающее фигуру – и в этом виде она собиралась показать всем, что страдает?

– Аля, дорогая, – начинает юрист после непродолжительной паузы, видя, что я не собираюсь ничего комментировать. – Тебе придется покинуть квартиру.

– Чего ради? – блондинка кривит нос, чем вызывает у меня еще большее раздражение.

– Дело в том, – продолжает Григорий, тоже, по-видимому, не желая долго лицезреть эту крашеную идиотку, – что Виктор оставил свое жилье вместе с машинами и бизнесом своему родному сыну. Знакомься, это Алексей.

Женщина впивается в меня взглядом, при этом ей приходится задрать голову, так как мало на моем пути встречается народа, чьи глаза находились бы с моими на одном уровне. При моем росте в два метра и два сантиметра практически всем моим собеседникам приходится задирать головы.

– Так может, договоримся? – томным голосом произносит Альбина и поднимает одну бровь вверх.

– Нет, – слишком резко вырывается у меня. – Не договоримся.

– Гриша, оставь нас с Алексеем наедине, – приказывает блондинка, но я взглядом заставляю мужчину не двигаться с места.

– Ты не поняла, красавица, – снова обращаю свой взор на женщину. – У тебя ровно сутки, чтобы покинуть этот дом. Можешь забирать всё, что хочешь, мне плевать. Гриша, – обращаюсь к юристу и поворачиваюсь к блондинке спиной, показывая, что разговор окончен. – Завтра здесь должны быть рабочие. Выбросить все, что здесь есть, и отремонтировать заново. А ещё сразу поменять замки на дверях.

– Но... – пытается вставить мужчина, однако я его перебиваю:

– Если ты хочешь, чтобы я управлял компанией, тогда обустрой мне жилье. Не хочу, чтобы даже мелочь мне напоминала об отце и его пассивах.

Получается резко, но на любезности нет ни сил, ни желания. Не дожидаясь ответа, я выхожу из квартиры, прикрывая за собой плотно дверь...

Глава 5

Наши дни...

За окном уже потемнело, но даже при свете фонарей видно, как идет снег. Интересно, сколько я простоял в одной позе, ни разу не пошевелившись? А всё эти чертовы воспоминания, чтоб им пусто было. Поворачиваюсь к окну спиной и смотрю на часы. Начало шестого – так много времени прошло. А казалось, день только недавно начался.

В голове пусто, точнее остается только одна мысль – ехать или не ехать? Вопрос, на который я третьи сутки не могу найти ответа. На душе тяжело и мрачно. Такое чувство, что все кары небесные разом свалились на мою многострадальную голову. И от этого только хуже.

Так ехать или все же не рвать себе сердце? Не бередить себе душу и забыть обо всем?

– Алексей, я к тебе, – в конференц-зал входит начальник службы безопасности, заставляя меня отвлечься от грустных мыслей.

– Давай завтра, Роман Иванович, – кривлюсь в ответ, показывая, что не настроен на конструктивный диалог.

– Завтра, так завтра, – спокойно отвечает мужчина, но не двигается с места, глядя на меня.

– Что? – через несколько секунд молчания я первым задаю вопрос.

– Ты все же решился продать бизнес? – аккуратно спрашивает мужчина, а я в ответ стону.

Как же они меня все достали! Ну, сколько можно постоянно задавать одни и те же дурацкие вопросы?!

Я не хочу возглавлять компанию! Я хочу играть в волейбол! У меня еще есть шанс все исправить! Маленький, но шанс!

И что из этого им всем непонятно?

– Послушай, Роман Иванович, – тяжелый вздох в очередной раз вырывается у меня из груди. – Что вы все меня здесь прессуете, как пацана пятнадцатилетнего? Ты же знал, что я с самого начала хотел продать этот чертов бизнес. Но пошел у вас с Гришей на поводу.

– Но ведь... – мужчина пытается вставить хоть слово, но я его перебиваю:

– Никаких “но”, Роман Иванович, – слишком печальным голосом произношу, так как воевать со своими сотрудниками нет никаких сил.

Хоть и знаю я начальника безопасности давно, и он, как ни странно, всегда меня поддерживал, наставляя отца на путь истинный, сейчас весь его внешний вид меня бесит. А его появление в самый неподходящий момент раздражает. Однако теперь я четко понимаю, что поеду – хотя бы просто посмотреть на игру одним глазком.

Роман Иванович Василевский дружил с отцом еще со школы. Потом судьба ненадолго их развела – учеба в ВУЗе, семья, маленькие дети, однако спустя время они снова начали тесно общаться. Я не верил, что у них получится работать вместе – отец в роли генерального директора и Роман Иванович в качестве начальника службы безопасности.

Стоит признаться, что я ошибся, так как несмотря на столь огромную разницу в социальном статусе они продолжали дружить. К тому же отец платил Василевскому одну из самых высоких зарплат на фирме, а тот в свою очередь служил верой и правдой своему боссу.

– Послушай, Леша, – Роман Иванович повышает голос и пристально смотрит мне в глаза. Единственный мужчина в компании, кто не сильно задирает голову, потому что тоже довольно высок. – В тебе сейчас говорят эмоции, а не здравый смысл.

– Заканчивай с нравоучениями...

– Помолчи, – твердо произносит начальник безопасности, и мне приходится на время заткнуться. – Тебе же Григорий четко дал понять, что кроме Крестовского нашу компанию не купит никто.

– И что? – я все-таки не выдерживаю и задаю вопрос, прерывая недовольную речь теперь уже своего друга.

– То есть ты сдаешься? – не унимается Василевский. – И пять лет назад мы зря с ним воевали?

– Может, тебе напомнить, что произошло тогда? – вспыхиваю, как спичка, так как воспоминания пятилетней давности меня раздражают еще больше, чем бизнес отца. – Заметь, Роман Иванович, даже ты не встал тогда на мою сторону, и я ни разу тебя не упрекнул.

– Я пытался...

– Хреново пытался!

Как-то слишком резко вырывается последняя фраза, но за сегодняшний день меня так все достали, что я уже перестаю следить за своими словами. И плевать, что подумают обо мне окружающие – скорее бы свалить отсюда и больше никогда не возвращаться!

– Ты не прав, – тихо отвечает мужчина, и от его тона становится не по себе. Ведь зря обидел – тогда, пять лет назад, он был единственный, кто хоть как-то пытался повлиять на ситуацию. И сейчас я чувствую себя виноватым за свою несдержанность.

– Н-да, – после минутной паузы выдает Василевский. – Не ожидал от тебя такого. Ты – трус, Алексей, а Пантелеймоновы никогда не пасовали перед трудностями. Скажу по секрету, Крестовский все эти три с половиной месяца пристально следит за тобой. Любой промах – и он сожрет тебя с потрохами. За то, что когда-то посмел ему угрожать.

– Мне плевать, понял? – злость рвется наружу и сдерживаться не получается. – Найди другого покупателя.

– Это нереально...

– В противном случае я перепису компанию на тебя, – нагло перебиваю мужчину, а он после моей последней фразы округляет глаза. – Что ты так на меня смотришь? Я не шучу, Роман Иванович.

– Леша, это же бред, – он пожимает плечами, все также удивленно глядя на меня.

– Если не найдешь покупателя, – хлопаю Василевского по плечу и криво усмехаюсь, – через две недели сам возглавишь “Oil-транс” и станешь нефтяным королем.

Подмигиваю и бодрой походкой направляюсь к выходу из кабинета.

– Ты куда? – слышу за спиной голос мужчины.

– Душу себе рвать, – бурчу под нос, в надежде, что до его слуха это не долетит.

– Кстати, – довольно громко произносит мужчина. – Ника Крестовская в Москве.

Я замираю на месте, а сердце пропускает несколько сильных ударов. Пальцы сами по себе сжимаются в кулаки, и дышать становится тяжело. Столько лет прошло, а я до сих слишком бурно реагирую даже на ее имя. Ненависть, которую я слишком долго прятал в недрах души, не давая ей возможности разрушить мою жизнь, сейчас с новой силой вырывается наружу.

Пять лет я о ней ничего не слышал, и вот от одного только имени меня бросает в дрожь.

– Мне плевать, – наконец-то произношу я медленно, чеканя каждое слово, – и на Нику Крестовскую, и на ее отца, – поворачиваю голову назад и встречаюсь с пристальным взглядом начальника службы безопасности. – Я запрещаю в моем офисе даже имя ее произносить. Это понятно?

– Абсолютно, – усмехается Василевский, но я так и не понимаю, что веселого он нашел во всей этой ситуации.

Резко отворачиваюсь и уверенным шагом покидаю офис.

Если бы еще также уверенно можно было бы сбежать от воспоминаний...

Глава 6

Ровное жужжание мотора успокаивает, а огромные хлопья снега, которые дворники убирают с лобового стекла, действуют на меня умиротворенно. Внутри бушует пламя, а в голове только одно единственное желание – повернуть руль и поехать домой. Завалиться в теплую постель, врубить телек и хоть на несколько часов забыться. Выбросить все из головы.

Но сердце не обманешь – оно рвется на волейбольную площадку, и я продолжаю давить на газ внедорожника, чтобы успеть к началу игры.

Кстати, автомобиль, который купил на честно заработанные деньги, я оставил, а вот три других, доставшихся мне от отца, сразу же продал. Половину средств перечислил трем детским домам – думаю, детишкам эти деньги нужнее, чем мне. А вторую половину вложил в ремонт небольшой спортивной школы, куда меня взяли тренером – хоть так я могу продолжать заниматься любимым делом.

Григорий, было, возразил, что работа с подростками будет занимать слишком много времени и сил, которые желательно потратить на дальнейшее развитие компании, но я резко пресек его пламенную речь:

– Или я тренирую и занимаю должность генерального, или валите нахрен со своей компанией.

Юрист побухтел еще пару минут, но больше не возражал. А я теперь три раза в неделю мог спокойно держать в руках волейбольный мяч. Да и ребята пришли в восторг, что теперь их будет тренировать столь опытный спортсмен. Еще и за глаза прозвали меня “Чемпионом”, даже не догадываясь, как больно это звучит.

В зал я захожу, когда заканчивается разминка. Тренер дает последние указания, и спортсмены двух стран строятся в ровную линию для официального открытия игры. Первым звучит гимн России, так как сегодня мы принимающая сторона. Весь зал встает со своих мест, включая меня. По телу, как и раньше, проходит дрожь от волнения – ради того, чтобы в твою честь играл гимн твоей родины, стоит заниматься спортом.

Но сегодня я не стою на площадке, и гимн звучит для других, но все равно волнительно. Я так же, как и мои друзья, прикладываю руку к груди в области сердца и тихо произношу выученные давно слова. Черт, ну почему в моей жизни все так сложно?

Заканчивается один гимн, начинается другой – болельщики продолжают стоять, чтобы почествовать наших соперников. Это последний матч в отборочном туре, после которого начнутся финальные игры чемпионата мира. За границей, не у нас, но мы твердо верим в победу своей сборной.

В принципе, наша страна уже обеспечила себе место в финале, и исход сегодняшней игры никак не может на это повлиять, но все равно правила следует соблюдать.

На поле много талантливых новичков, но, как и раньше, фаворитом остается мой друг и бывший коллега по команде Руслан Яцун. Когда-то мы с ним даже соревновались за то, кто лучший на площадке, а сейчас...

Счет по партиям два-ноль в пользу нашей сборной, тренер начинает делать замену, выпуская на площадку запасных игроков (обычная практика в подобных ситуациях), и я понимаю, что хватит. Достаточно рвать себе сердце и душу.

Встаю с места, и меня замечает Руслан. Машет рукой и улыбается – киваю головой в ответ и подмигиваю. Парень подносит руку к лицу, жестом показывая, что позвонит, и приходится повторно кивнуть – не хочется обижать друга, который меня всегда поддерживает.

На улице продолжает идти снег, крупными хлопьями падая на голову, пока я уверенным шагом направляюсь к внедорожнику. Настроение опускается еще ниже – хотя, казалось бы, куда уж, и так тошно на душе, что хочется выть волком.

Будний день, вечернее время, и огромный мегаполис начинает тонуть в пробках. А что, сам же хотел когда-то жить в столице? Теперь приходится испытывать все прелести этого житья на собственной шкуре.

Стоять в пробке неохота, да и желудок начинает громко урчать, напоминая, что сегодня я еще ничего не ел. Смотрю по сторонам и замечаю впереди кафе, где продаются фаст-фуды. То, что надо – сейчас домой ехать почему-то не хочется, а моему желудку глубоко плевать на повышенную дозу холестерина.

Нахожу свободное место на парковке и вылезая из внедорожника.

Внутри помещения тепло и уютно. Довольно много народа, то мое и так зашкаливающее раздражение просто не обращает внимания на этот фактор. Быстро заказываю какой-то бургер, картошку фри и чашку кофе со сливками, после чего вместе с подносом плюхаюсь за первый попавшийся свободный столик.

Еда вкусная, но мне все равно. Помню, как в детстве, когда только начинали открываться подобного рода заведения, мама водила нас туда с Дианой дважды в месяц. Мы с нетерпением ждали этих дней – было весело и волнующе. Не то, что сейчас, когда кусок в горло не лезет, хотя еще каких-то десять минут назад желудок урчал от голода.

Отставляю в сторону поднос с недоеденной картошкой, выпиваю уже остывший кофе и направляюсь в туалет, предварительно бросив куртку на кресло. Фиг с ней, даже если кто-то на нее позарится.

В кафе сделан отдельный небольшой зал для детей, отгороженный стеклянными стенами. Сегодня, по ходу, у кого-то день рождения – везде висят плакаты с поздравлениями, клоун веселит толпу детишек, а трое молодых мамочек водят с малявками хороводы. Мажу взглядом, так как чужое веселье раздражает еще больше, и продолжаю свой путь.

Мою руки, после чего поднимаю взгляд на собственное отражение в зеркале. Да, Леха, что-то ты сдал в последнее время, дружище. Может, хватит уже страдать? И настало время взять себя в руки и не раскисать.

Горько усмехаюсь, разворачиваюсь и подхожу к двери. Не успеваю открыть ее на всю ширину, как слышу снизу детский голос:

– Ой! – опускаю взгляд и наблюдаю за маленьким мальчиком, который, наоборот, задирет голову вверх, при этом трет ушибленный лоб. – Дяденька, аккуратнее.

Пару букв малыш не выговаривает, поэтому его речь звучит смешно. Я присаживаюсь на корточки, чтобы наши глаза находились хоть немного на одном уровне.

– Извини, я не хотел, – улыбаюсь мальчику, потому что его скривившаяся физиономия вызывает еще большее веселье.

Мы смотрим друг другу в глаза. Малыш перестает тереть лоб и как-то слишком внимательно рассматривает мое лицо. Через несколько секунд растягивается в улыбке и произносит:

– Я тебя уже видел!

Давненько меня никто не вводил в ступор, а тут прямо дар речи пропадает напрочь.

– Что значит, видел? – отмираю через какое-то время, пристально глядя на мальчика, который не успевает ответить, так как наш диалог прерывает женский голос:

– Марк! Вот ты... – пауза и уже намного тише: – Куда запропастился.

Я медленно поднимаю голову вверх, а сердце внутри замирает, почти переставая биться. Этот голос я узнаю из тысячи.

Глава 7

Мы не виделись почти пять лет. Она изменилась – повзрослела, похорошела, стала молодой красивой женщиной. Не то, что в двадцать один – хотя и тогда она привлекала мужские взгляды своей необычной красотой, чем вызывала во мне кучу ревности.

Длинные черные волосы падают ровными локонами на плечи, темно-карие глаза, как и прежде, живые и яркие, правда, сейчас не блестят, а бегают из стороны в сторону.

Странно, с чего вдруг?

Ника Крестовская – моя первая настоящая любовь, и в последствии мой ночной кошмар. Слишком долго я избавлялся от наваждения, ее образа в голове и постоянных воспоминаний. Она долго приходила ко мне во сне, дразня своим прекрасным телом и взрывным характером.

Какой же я был идиот, что поверил ей когда-то!

– Привет, – девушка первой прерывает затянувшуюся молчаливую паузу.

Не сводит с меня глаз, продолжая стоять на том месте, где замерла, когда искала мальчика. Кстати, а кем он ей приходится?

– Привет, – я медленно встаю на ноги, и ей приходится задрать голову, чтобы посмотреть мне в глаза. – Давно не виделись.

– Я не знала, что ты вернулся, – спокойно произносит без какого-либо ехидства или скрытого подтекста.

– А если бы знала, что изменилось бы? – поднимаю одну бровь вверх и ожидаю ответа. Но Ника молчит, не сводя с меня своего пристального взгляда. Интересно, что она хочет там увидеть? – Я, кстати, тоже не знал, что ты вернулась, – нагло вру, так как правду раскрывать не хочу.

Чтобы не подумала, что я искал ее или желал с ней встречи.

Не искал.

И не желал.

Больше всего хотел забыть ее образ, как страшный сон. И уж никак не планировал встретить Нику Крестовскую в столь неподходящем месте, еще и в огромном мегаполисе. Что б ее...

– Мы здесь на дне рождения, – зачем-то произносит девушка, прерывая мой молчаливый диалог с самим собой.

Ее голос тверд – но я и не помню, чтобы она когда-то теряла дар речи, бляла или краснела. На ее загорелой коже в принципе не видно красноты, но и скромной Ника никогда не была. Наоборот – строптивная красотка с постоянным ехидством в голосе и твердым характером.

Я не помню, чтобы она когда-нибудь пыталась под кого-то подстроиться. Ее нельзя сломать – она сама кого хочешь свернет в бараний рог и даже не подавится. Этим и взяла.

Никогда я не встречал другой девушки, хоть немного похожей на Нику. Нет, не внешне, а именно своим волевым характером и постоянным упрямством. Вредина – самая настоящая вредина, как я ее когда-то прозвал.

– А я заехал перекусить, – зачем-то оправдываюсь, сам не понимая, зачем это делаю. – Племянник? – Киваю головой на пацана и произношу первое, что приходит в голову.

– Ага, – тяжело вздыхает строптивная красавица. – Пойдем, Марк, – протягивает руку мальчику, а тот вкладывает свои пальчики в ее ладонь и задирает голову вверх.

– Такой высокий! – произносит он, вызывая у меня на лице улыбку.

– Нам пора, – Ника вслед за малышом тоже смотрит мне в глаза. – Рада была увидеться.

– Серьезно? – не сдерживаюсь и хамлю в ответ. – Ты считаешь, что я поверю в эту чушь?

– Слушай, Пантелеймонов, – кривится темноволосая красотка, повышая голос. – Мне до сих пор плевать на чужое мнение, а на твое в особенности. Но этикет никто не отменял. Если не нравится слышать, что я рада была тебя увидеть, тогда скажу, как есть – иди нахрен, придурок!

– Не ругайся при ребенке! – я криво усмехаюсь в ответ, однако Ника уже завелась:

– Да пошел ты, – она разворачивается и тянет мальчишку за собой, бубня под нос: – Откуда только свалился на мою голову. Видеть не могу его наглуую рожу.

Дальнейшее ее ворчание сливается с шумом толпы, и разобрать слов не представляется возможным. Однако ее взрыв эмоций производит своеобразный эффект – мое паршивое настроение начинает подниматься вверх. Вот уж не ожидал – Ника Крестовская своим фырканием заставит улыбаться, хотя желание окрутить ей голову никуда не пропадает – я до сих пор ненавижу ее. И в глубине души мечтаю, чтобы и ей было так же тошно и больно, как мне пять лет назад.

Еще раз усмехаюсь и направляюсь в зал, по дороге косясь на комнату за стеклянными стенами. Мальчуган сливается с толпой таких же детишек, а его тетя присоединяется к трем мамочкам, сидящим за отдельным столиком. Мотаю головой из стороны в сторону, ухмыляясь, после чего отвожу взгляд от девушки.

Мальчика зовут Марк, как мне стало известно, и раз она его тетка, значит, это сын ее старшего брата. Не знал, что Стас женился – все эти годы я ни разу не встретился ни с ним, ни с Никой, ни с их отмороженным и наглым папашей.

Я ненавижу все семейство Крестовских. За то, что когда-то разрушили мою размеренную жизнь, не дав даже возможности как-то оправдаться.

Своего отца я тоже ненавижу, но после его смерти стараюсь вообще о нем не думать. Был бы жив, я бы непременно высказал ему все, что накипело за эти годы, а ещё послал его нахрен вместе с дурацким бизнесом.

“Как же я тебя презираю, папа!” – в воспоминаниях всплывают слова, которые я кричал ему в лицо пять лет назад.

“Сынок...” – начинает отец, но я его перебиваю.

“Хоть раз будь мужиком, скажи правду”.

Прогоняю ненужные мысли прочь, хватаю куртку с кресла и выхожу на улицу, на ходу надевая верхнюю одежду. Холодный ветер бьет в лицо, но даже он не может погасить бушующее пламя внутри, которое разгорелось еще сильнее – после встречи с Никой и роя мыслей в голове. Воспоминания слишком резко захватывают мой мозг в свой плен, но я так просто не сдамся. Хватит, не хочу больше думать о ней.

– Я не дам вам снова разрушить мою жизнь, – произношу себе под нос, открывая водительскую дверь внедорожника. – Пошла ты к черту, Ника. Вместе со своим папашей.

Завожу мотор и выезжаю со стоянки на проспект.

Надо выспаться, потому что завтра куча дел, а послезавтра товарищеский матч у моих учеников. И осознание этого факта греет душу, как ничто другое.

Глава 8

– Все понятно, ребята? – я даю последние наставления перед игрой. – Двойной блок ставим только на пятый и десятый номер, они там основные нападающие. На остальных пока достаточно одинарного, а там посмотрим.

– Понятно, Алексей Викторович, – раздается со всех сторон, после чего ребята становятся в круг, вытягивая одну руку вперед. – Не переживайте, мы их порвем!

Не знаю, откуда это пошло, но у каждой команды есть своя так называемая “кричалка”, и все верят, что это принесет удачу. Поддерживаю своих подопечных, каждому по отдельности желая удачи, после чего мальчишки выходят на площадку для приветствия.

Настроение сегодня отличное, несмотря на очередное ворчание Григория, что я слишком много времени уделяю своим ученикам, и слишком мало бизнесу. А на него надо пахать двадцать часов в сутки и практически не спать. Но на вопрос “Зачем?” юрист так и не может найти нужного ответа.

Улыбаюсь, засовываю руки в карманы спортивных штанов и боковым зрением наблюдаю, как в спортзал заходит женский силуэт с ребенком. Сила притяжения, или как там называется это долбанное чувство, тянет меня туда, как магнит. Поворачиваю голову и замираю на месте – вдоль скамеек медленно движется Ника с Марком.

Черт, ей-то что здесь надо?

Не торопясь направляюсь к ним, наблюдая, как девушка подходит к середине одной из скамеек и начинает раздевать мальчика, снимая с него курточку и шапку.

– Привет, – первым произношу, когда подхожу к ним довольно близко.

– Пантелеймонов, опять ты, – ворчит Ника, стоя в полусогнутом виде спиной ко мне.

– Могу сказать то же самое о тебе, но промолчу, – ехидно усмехаюсь, хоть темноволосая красавица и не может этого видеть. – Как дела, малыш? – наклоняю немного голову в сторону, чтобы Марк мог лицезреть мою физиономию.

– Хорошо, – он улыбается, а его тетя, наконец-то, заканчивает с раздеванием, складывает аккуратно верхнюю одежду на скамью и выпрямляется, поворачиваясь ко мне лицом.

– Тогда привет, – я игнорирую злобные взгляды Ники и протягиваю мальчишке руку, куда он вкладывает свои крохотные пальчики.

– Пантелеймонов, что тебе надо? – кривится девушка, всем своим видом показывая, как же я ее раздражаю.

Знала бы она, как меня бесит ее присутствие! Вторая встреча за три дня – Господи, за что ты меня так мучаешь и заставляешь бороться с искушением нанести девушке увечья?

– Ты не ответила на мой вопрос, – игнорирую ее выпады. – Что ты здесь делаешь? – повторяю чуть ли не по слогам.

– Брат мой младший играет сегодня, пришли поболеть, – спокойно отвечает Ника, но после снова кривится и ворчит: – Как я теперь понимаю, в твоей команде. Все уши нам прожужжал, какой у него классный новый тренер. Если бы я знала, что это ты, – указательным пальцем тычет мне в грудь, – поверь, никогда бы в жизни сюда не приперлась!

– Какой брат? – теперь настает моя очередь хмурить брови. Правда, я никак не реагирую ни на ее грозную речь, ни на ее прикосновения. По крайней мере, стараюсь не показывать вида, что меня это раздражает.

– Двоюродный! – выпаливает девушка, опуская руку. – У моего отца есть родная сестра, которая умотала за границу. А нам прислали на иждивение чадо, – кивает головой в сторону площадки. – Миша Ковалев, твой ученик.

– Ладно, – я пытаюсь держать себя в руках, но от ее ехидного тона хочется открутить ей голову еще сильнее. – Будем считать, что я поверил. Пока, мелкий, – подмигиваю мальчику и, игнорируя очередной злобный взгляд его тети, возвращаюсь на тренерское место.

Мои подопечные сегодня играют на высоте – слушают все мои наставления, стараются изо всех сил и очень радуются каждому забитому голу. Молодцы, что я могу сказать. Но присутствие в зале Ники немного выбивает почву из-под ног – надо будет аккуратно поинтересоваться у Мишани, действительно ли он ее брат.

Потому что Нике Крестовской я не доверяю. Она может соврать, даже глазом не моргнув, вот только, в противном случае, зачем ей надо было сюда приходиться?

Третий тайм я борюсь с искушением посмотреть в ту сторону, где сидит девушка с ребенком. Каждый раз, когда глаза непроизвольно туда косятся, я одергиваю себя, заставляя забыть на нее. Мне хочется наговорить ей гадостей, фыркнуть, послать к черту – в общем, сделать все, чтобы ей стало больно. Конечно же, от моего ехидства она не расстроится, но в глубине души я буду ликовать, что хоть как-то смог выбить у нее почву из-под ног.

Так же, как она это сделала почти пять лет назад.

Какие-то глупые мысли лезут в голову – вот зачем, скажите на милость, мне снова с ней связываться? У нее своя жизнь, у меня своя – “нас”, как единое целое, больше не существует. И никогда не будет существовать.

Я все-таки не выдерживаю, и поворачиваю голову вправо – место, где до недавнего времени сидела Ника с мальчиком, пусто. Ушла, значит, ну и флаг ей в руки. Так даже легче – больше не придется бороться с искушением. И косоглазие я не заработаю.

– Молодцы, ребята, – улыбаюсь своим подопечным, когда судья объявляет победу нашей команды, после чего эта самая команда бежит ко мне с диким воплем.

– Алексей Викторович, мы победили! – кричат одновременно мальчишки, прыгают, обнимаются, а я радуюсь вместе с ними.

Искренне и от всей души поздравляю – пусть всего лишь товарищеский матч, но победу ребята завоевали честно, своим собственным трудом и умением. Они старались, вкладывали душу и силы, а теперь ждут от меня поддержки. Не буду их разочаровывать – ведь они не виноваты, что какая-то строптивая красотка одним своим видом испортила мне настроение.

– Мишаня, на пару слов, – я кладу руку на плечо долговязому парню – одному из лучших нападающих в команде.

Парнишка замедляет шаг, а после останавливается, пропуская своих друзей вперед, которые через некоторое время скрываются в раздевалке. В зале пусто, лишь мы вдвоем с парнишкой, а значит нам никто не может помешать.

– Слушаю, Алексей Викторович, – его глаза горят до сих пор, а улыбка не сходит с лица.

– Я тут пообщался с девушкой одной, которая пришла поболеть за нашу команду на соревнованиях, – начинаю издали, потому что нужные слова куда-то резко пропадают. Не буду же я спрашивать в лоб у мальчика, кем ему приходится Ника Крестовская. – Утверждает, что твоя родственница.

– Понравилась? – подмигивает подросток, а у меня вырывается резкое:

– Нет! – И уже, взяв себя в руки, немного спокойнее добавляю: – Просто я должен знать все о своих подопечных, а про тебя мне неизвестно ничего.

Надо успокоиться окончательно, а то как бы не наговорить лишнего. Одно только воспоминание о Нике заставляет злиться и нервничать еще сильнее.

Как бы на подростке не сорваться за грехи его так называемой родственницы.

А главное – не выдать себя по полной программе. Не хватало еще, чтобы Ника потом надо мной издевалась.

Глава 9

– Это сеструха моя двоюродная, – бодро рапортует Мишаня после непродолжительной паузы, на протяжении которой я пялюсь на паренька, сам не понимая, чего жду от него. – Моя мать – оперная певица, постоянно в разъездах. А летом ей предложили контракт на три года, и она умотала в Европу. Дядя Андрей, – он делает паузу, – это родной брат моей матери, – поясняет и снова запинается. – Наорал на нее, что она не занимается ребенком, и забрал меня к себе. А чего, – усмехается паренек. – Дом у него большой, сын с дочерью взрослые, и я, вроде как, совсем не мешаю.

– Понятно, – киваю головой, так как Ника на этот раз не соврала.

В принципе, я и не думал, что она меня преследует, но хотелось бы знать наверняка. Не верю я ей, хоть ты тресни, но сейчас, по ходу, был не прав, когда говорил ей, что почти поверил.

Она сама виновата в моем столь ярком недоверии к ее словам – никогда не прошу ей тех обидных слов, которые она бросала мне при нашей последней встрече.

Пусть горит она в аду вместе со своим папашей!

Однако последующие слова Миши вводят меня в ступор, заставляя отвлечься от негативных мыслей:

– Мелкий у нее тоже классный, – продолжает улыбаться паренек. – Называет меня братом, хотя я ему дядькой прихожусь. Но он всем заявил, что у него есть старший брат, которым он гордится. И возражения не принимаются.

– Что значит «у нее»? – переспрашиваю, в глубине души понимая, что ждет меня какая-то ошеломляющая новость. Как бы потом дар речи и способность передвигаться самостоятельно не потерять и не выглядеть полным болваном в лице мальчишки. – Разве это не сын Стаса?

– Причем здесь Стас? – с удивлением в глазах спрашивает Мишаня, даже не думая поинтересоваться, откуда я знаю имя брата Ники.

Тоже мне, Леша, конспиратор великий выискался. Вот так и проваливаются явки и пароли. А все потому, что одно только упоминание о Нике выводит меня из себя, и я не могу думать рационально.

– Мальчик ее тетей называл, – аккуратно произношу, наблюдая, как ухмыляющаяся физиономия парнишки начинает кривиться.

– Не смешите меня, – машет рукой и фыркает. – Это ее сын, Алексей Викторович. Он не мог Нику тетей называть.

– Что?!

И опять вырывается у меня то ли вопрос, то ли утверждение, но довольно резко и громко, эхом отдаваясь в пустом спортзале.

Это какой-то бред!

Этого не может быть!

Полная туфта, честное слово!

Но в голове уже появляется куча мыслей, а эмоции бьют через край. Только бы не сорваться на мальчишке, который ни в чем не виноват. Да и всю правду не помешает для начала узнать точно, чтобы иметь на руках все козыри.

– Ну-у, – Миша немного теряется, глядя на мое изумленное лицо. – Мелкий, с которым Ника приходила, это ее сын, зовут Марк, – зачем-то снова повторяет паренек.

– Она замужем? – продолжаю свой допрос, даже не пытаюсь теперь скрыть настоящий интерес.

И так уже облажался по полной программе, так стоит ли дальше общаться полунамеками? Мишаня сто процентов спалил меня и мой интерес к его сестре – чувствую, сдаст мое любопытство ей, даже глазом не моргнув.

– Нет, – разводит руками паренек. – Вроде никогда и не была. По крайней мере, сейчас точно одна.

У меня в голове крутится только единственный вопрос, но я остерегаюсь его задавать парнишке, что называется, в лоб. Есть куча других способов, чтобы наконец-то узнать правду.

Надо же, племянник! Стерва, чтоб ее – не могла сразу все рассказать, как есть?

Хотя, чего можно ожидать от такой лживой сучки, как Ника. Да и скажи она тогда мне правду, я бы точно ей голову открутил или треснул чем-нибудь тяжелым.

– Мелкому сколько лет? – я никак не могу успокоиться и продолжаю терроризировать Мишаню.

– Послушайте, Алексей Викторович, – он спокойно произносит, глядя мне в глаза. – Не знаю, зачем вам это надо, – хмурится и делает паузу. – Но спросите лучше у нее самой. Тем более, как я понимаю, вы с моей сеструхой знакомы. И кстати, – на его лице появляется победоносная улыбка. – Когда вы пришли нас тренировать три месяца назад, ваше лицо мне показалось до боли знакомым. Теперь я вспомнил, где вас видел.

– И где же? – спрашиваю, произнося слова чуть ли не по слогам, а внутри все замирает в ожидании.

– На фотках у Ники! – выпаливает паренек. – Значит, все-таки она вам нравится, – подмигивает, после чего разворачивается и убегает в раздевалку, оставляя меня одного посреди спортзала.

А я даже пошевелиться не могу. Кажется, все тело заоченело, руки не двигаются, ноги не идут, одна лишь голова соображает, а мысли одна за другой мелькают со скоростью света.

Единственная фраза, которую я про себя повторяю – “Этого не может быть”.

Какой бы лживой и подлой не была Ника, но она не могла поступить так со мной. Она бы обязательно рассказала мне правду, если бы Марк был моим сыном. Я не верю в то, что она стала такой же продажной, как ее отец, выискивая во всем только корысть для себя любимой.

“Я тебя уже видел”, – всплывает в голове фраза, которую ребенок произнес два дня назад.

Тогда внезапное появление Ники выбило почву из-под ног, и я забыл поинтересоваться, где же меня мог видеть малыш. Однако теперь становится ясно, где – на фотках у своей лживой мамы, чтоб ей пусто было.

– Черт, – я двумя руками провожу по голове, затем опускаюсь на лицо. – Черт! Черт! Черт!

Пустой зал эхом повторяет мои чертыханья, но я не обращаю на это внимание. Сейчас не до этого, понять бы, что делать дальше. Но самое главное – надо узнать всю правду, и желательно побыстрее.

Достаю из кармана мобильный и набираю начальника службы безопасности моей компании.

– Да, Леш, – отзывается мужчина после двух гудков.

– Роман Иванович, дело есть, – чувствую, что меня всего трясет, и никак не получается взять себя в руки. – Очень срочное.

– Говори, – спокойно произносит мой собеседник в ответ.

– Мне нужна вся подноготная Ники Крестовской за пять лет, – выдаю на одном дыхании. – Она тогда за границу уехала, вроде в Лондон. Мне надо знать – где жила, чем занималась, выходила ли за это время замуж, и так далее. До завтра, – запинаясь, чувствуя, что закипаю по полной программе. – Сделаешь?

– Зачем? – спокойный тон начальника безопасности еще больше бьет по оголенным нервам.

– Затем, что у этой сучки есть сын! – ору в трубку на ни в чем не повинного мужчину, но он даже глазом не ведет и не делает никаких замечаний по поводу моих криков.

– Думаешь, твой?

– Не знаю, – закрываю глаза и делаю глубокий вдох, затем резкий выдох, чтобы хоть немного успокоиться и взять себя в руки. – По возрасту вроде подходит, но мало ли, с кем эта сучка продажная еще спала. Если понадобится, я ее в суд потащу, – снова вдыхаю и замолкаю на несколько секунд. – Так что, поможешь?

– Завтра в девять утра приду с докладом к тебе в кабинет.

Мы прощаемся, и я первым нажимаю сброс.

Ну, все, дорогая Ника, теперь держись. Если Роман Иванович завтра мне докажет, что Марк – мой сын, тебе будет плохо.

Очень плохо!

Уж я постараюсь как следует испортить тебе жизнь, имея такой козырь на руках!

Глава 10

POV Ника

– Опять пристегиваться, – вздыхает тяжело Марк, залезая в детское кресло на заднем сиденье. – Мама, можно я в этот раз так посижу?

– Нельзя, – строго командую, наблюдая в зеркало заднего вида, как мой сын нехотя все же пристегивает ремень безопасности. – Сам же прекрасно знаешь, что нельзя, так зачем ныть?

Получается довольно резко, и я себя мысленно одергиваю – сын не виноват, что его родной отец, точнее один только вид Алексея, выводит меня из себя. Прямо бесит неимоверно – хочется еще раз вклеить ему пощечину и стереть с лица эту нахальную ухмылку! Чтобы больше не раздражал.

Мотаю головой из стороны в сторону, пытаюсь взять себя в руки, после чего завожу мотор. И снова поднимаю голову, глядя в зеркало на печальное лицо сына.

– Извини, малыш, – улыбаюсь, чтобы мальчик перестал хмуриться. – Я не хотела.

– Это ты из-за того дяди высокого расстроилась?

– М-мм, – стону и закатываю глаза.

Правду говорят – дети в любом возрасте все понимают и чувствуют, что с тобой что-то не так. И не стоит им врать – все равно не получится.

– Он мне нравится, – не унимается Марк, даже не подозревая, что его слова западают в самую душу.

– Мне тоже, – шепчу себе под нос, и уже громче произношу: – Просто голова болит, не обращай внимания. Послезавтра выходной, и дядя Стас вместе с Мишей возьмет тебя в аквапарк. Поедешь? – снова улыбаюсь и прищуриваю один глаз.

– Ура! – кричит малыш и пытается потянуться вперед, но ремень безопасности ему мешает. – Мам, ну можно его расстегнуть?

– Нельзя, – произношу по слогам, подмигиваю в зеркало и, наконец-то, трогаюсь с места.

Два месяца прошло с тех пор, как я приехала домой. Отец давно настаивал на нашем с Марком возвращении в столицу, однако я не хотела. Точнее, боялась. Сама не знаю, чем меня так пугал переезд, но оттягивала время, как могла.

И, как теперь оказывается, не зря.

Столько времени не виделись мы с Лешкой, и на тебе – второй раз за три дня! Еще и тренером Мишани оказался, чтоб ему пусто было! А говорят, что столица – огромный мегаполис, где встретиться с человеком, которого ты не хочешь видеть, практически нереально. Оказывается, реально, очень даже реально.

Главное, что он считает Марка моим племянником – не то чтобы я и дальше хотела скрывать от Алексея правду, просто так получилось. Он спросил, а я поддакнула. Как-то слишком внезапно он появился, и я немного растерялась. Сама не ожидала, что на какое-то время пропадет способность говорить и трезво мыслить, поэтому ляпнула первое, что пришло в голову.

И никому из близких до сих пор не рассказала о нашей с Алексеем внезапной встрече.

Не хочу разборок и новой войны между нашими отцами. Еще пять лет назад вся эта непростая ситуация давила с неимоверной силой, а сейчас мне хочется тишины и спокойствия. Но совесть не обманешь – она пищит противным голосом в голове:

“Ты должна рассказать ему правду!”

Возможно, и должна, но только не сейчас, когда он бесит меня неимоверно, и хочется лишь двинуть ему чем-то тяжелым по башке!

По приезду домой отец подарил мне Гелик. Вот скажите на милость, нафига мне такая большая тачка? Но, как говорится, дареному коню в зубы не смотрят, поэтому подарок я при-

няла. Как и пришлось согласиться и дальше жить в родительском доме, хоть я и настаивала на переезде в собственную квартиру, которую собиралась приобрести.

– Даже слушать ничего не хочу по этому поводу, – шипел отец, размахивая руками. – Чтобы я виделся с собственным внуком только по выходным? – продолжал он свою гневную тираду, сверкая глазами. – Вон, – тыкнул пальцем, – от твоего балбеса-брата внуков не дождешься, хоть ему уже тридцатник стукнул.

– Я еще не нагулялся, – усмехался Стас, сидя вальяжно в кресле.

– Да в твои годы, – переключился отец на брата, – вы у меня уже вдвоем с Никой в школу ходили.

– Опять двадцать пять, – Стас закатил глаза, продолжая улыбаться.

– Полюбуйся, – снова обратил свое драгоценное внимание предок на меня, все также тыча пальцем в сторону Стаса. – Никакой благодарности!

– Папа, уймись, – пришлось одернуть его, а то мы так до ночи будем слушать его гневные тирады. – Если ты хочешь, чтобы я осталась жить здесь, тогда придется тебе принять ряд условий.

– Слушаю внимательно, – отец произнес довольно спокойно и уселся в кресло.

– Для начала ты перестанешь меня контролировать, – я пристроила свою пятую точку на диван и закинула ногу на ногу. – Я встречаюсь, с кем хочу, гуляю допоздна и иногда могу не приходиться домой ночевать.

– Можно подумать, – фыркнул отец, – что я когда-то тебя контролировал. По-моему, ты и раньше гуляла, сколько хотела и с кем хотела, иногда, – он сделал акцент на последнем слове, – не приходя домой ночевать.

– И ты завязываешь со своими нравоучениями, – влез Стас. – Иначе я тоже свалю от тебя вместе с Никой.

Папа снова вышел из себя, поорал немного, называя моего брата “неблагодарной свиньей”, а меня “малолетней засранкой”. В принципе, сколько себя помню, он нас всегда так называл – так стоит ли сейчас на это обращать внимание.

Я пообещала вести себя хорошо и не портить любимому папочке настроение своими постоянными выбрыками, как это было раньше, Стас торжественно поклялся, что женится в следующем году, от чего у нас с отцом глаза полезли на лоб, а Мишаня, который в самый неподходящий момент зашел в кабинет и тоже попал под раздачу, заявил, что будет учиться на одни четверки. Или иногда на пятерки, но крайне редко.

И мы ни разу не вспомнили об Алексее за все это время – у меня не было никакого желания ворошить прошлое и пытаться что-то выяснить о судьбе парня. И вот теперь придется принять очень важное решение – как поступить дальше.

Уверена, он меня простит и не станет мстить. Но все равно попортит нервы, что в данном случае означает – мы с ним разругаемся вдрызг. И ни о каком примирении не может быть и речи.

Какой-то замкнутый круг, честное слово.

Господи, как же сложно с этим Пантелеймоновым! Зачем, Господи, вот зачем, скажи на милость, ты нам позволил когда-то встретиться?

Хотя ответ на этот вопрос сейчас сидит на заднем сиденье Гелика и смешно сопит, недовольный тем, что я заставила его пристегнуться. Ради этого счастья я готова терпеть и дальше фырканье Алексея, его игнорирование моей скромной персоны, и предсказуемый взрыв эмоций, когда он узнает правду о сыне.

Мне надо немного успокоиться, остыть и все-таки найти это правильное решение, даже если мне оно не будет нравиться.

Надеюсь, Леха все же не прибьет меня за то, что скрыла от него рождение Марка. Хотя скажи я ему правду после той ссоры, он, скорее всего, просто бы женился на мне из-за ребенка.

А я этого не хотела – только поэтому Леша так и не узнал, что у нашей недолгой любви все же случился счастливый финал.

Улыбаюсь своим мыслям – ради счастья сына я готова терпеть даже несносный характер его отца. Мой, кстати, тоже не подарок – но кто за собой замечает такие мелочи.

Но, как бы я не оттягивала время, все равно придется встретиться с Лехой и рассказать ему правду. Однако для начала стоит посоветоваться с братом – уж он точно мне подскажет, как лучше поступить в данной ситуации.

На этой оптимистичной ноте успокаиваюсь окончательно и торможу перед воротами, которые начинают автоматически открываться. И уже через несколько секунд Гелик плавно заезжает во двор трехэтажного особняка, гордо именуемого моим родным домом.

– Приехали, сынок! – глушу мотор и первой вылезая из автомобиля.

Глава 11

Я захожу в дом первой, а Марк залетает следом, на ходу пытаюсь расстегнуть курточку. Он счастливый и довольный от новости, что послезавтра Стас возьмет его в аквапарк, как обещал еще три дня назад. При виде сияющей и цветущей физиономии сына на душе становится теплее. И злость на Лешу вроде проходит, так толком и не успев захватить мои эмоции в свой плен.

– Это кто вернулся домой? – отец выходит из кабинета и улыбается, наблюдая, как Марк сопит и продолжает бороться с молнией на куртке.

– Дед, помоги, – ворчит малыш и бросает свое занятие, направляясь к отцу. – А то у меня не получается.

– Как игра? – отец подходит к внуку и присаживается на корточки, расстегивая змейку. – Понравилось?

– Очень! – кричит Марк, а я замираю на месте в ожидании его дальнейших восторгов.

Сейчас сдаст меня по полной программе раньше времени, и отец опять начнет фыркать. А если еще узнает, что с Алексеем мы случайно встретились аж два дня назад, то ворчание перерастет в крик.

– А где Мишаню потеряли? – папа снимает с мальчика курточку вместе с шапкой, но я не даю сыну вставить ни слова, быстренько встревая в их диалог:

– Он с друзьями после игры собирался в кафе сходить. Сам домой доберется.

– Миша – чемпион! – кричит Марк и прыгает на месте. – А еще, дед, я со Стасом пойду в аквапарк!

– Дядей Стасом, – поправляю сына, так как запрещаю называть своего брата просто по имени.

Пусть с детства привыкает, что тыкать взрослым людям нельзя. Но моего порыва никто не оценивает – отец улыбается, Марк смешно кривит носик и мотает головой из стороны в сторону, а тот, кто приходится моему сыну родным дядькой, спускается по лестнице на первый этаж, на ходу громко произнося:

– Мелкий, не слушай ее! – и тоже ржет, как конь. – Никаких дядь, понятно?

– Видишь, мама, – малыш тычет в меня пальцем. – Стас мне разрешает называть его по имени!

– Не только разрешаю, но и настаиваю, – брат проходит мимо отца с племянником, проводя рукой по волосам последнего, после чего подходит ко мне и целует в щеку. – Привет.

– Как же с вами тяжело! – я закатываю глаза, всем своим видом показывая, что они мне надоели. – Никакой женской солидарности – одни мужики кругом.

– Девочка моя, я все слышу! – раздается голос домработницы из столовой. – Не переживай, все, кто обижает нашу крошку, останутся без ужина.

– У меня важный телефонный звонок, – отец разворачивается и направляется в кабинет, так как знает, что Вера Александровна шутить не станет.

– Дед, я с тобой! – Марк бежит за ним следом, и через пару секунд эти двое скрываются за дубовой дверью.

– А ты со мной, – хватаю за локоть брата, не давая ему вставить ни слова.

– Может, я лучше тоже пойду? – начинает канючить Стас, плетясь за мной следом, но под моим грозным взглядом сдастся и начинает подниматься по лестнице на второй этаж, тяжело вздыхая.

Захожу в свою комнату, затягиваю туда брата, после чего закрываю дверь и направляюсь к окну, на ходу скидывая куртку и швыряя ее на кровать. Вроде и хотела посоветоваться с близким человеком, а все слова, как назло, куда-то испарились. И я даже не знаю, с чего начать.

– Тут такое дело, – я поворачиваюсь лицом к Стасу, опираясь о подоконник и наблюдая, как мужчина уже принял полулежачую позу, удобно расположившись на моем спальном месте. – Даже не знаю, с чего начать.

– Как обычно – с главного, – ехидно усмехается брат, глядя, как я нервничаю. – Давно тебя не видел в таком состоянии, сестренка.

Мы со Стасом очень близки, несмотря на то, что он меня старше на четыре года. К тому же, характеры у нас разные, но мы никогда не ссоримся, даже если иногда (точнее, довольно часто) расходимся во мнениях по ряду вопросов.

– Не ехидничай, и так хреново, – фыркаю и машу рукой, чтобы отстал со своим занудством. – Мне твой совет нужен, – в этом месте Стас поднимает одну бровь, задавая немой вопрос. – Я Пантелеймонова встретила.

– Чего?! – как-то резко вырывается у моего собеседника.

– Два раза, – я тяжело вздыхаю, никак не реагируя на его эмоции. – К тому же, оба раза он видел Марка и...

– Твою мать! – перебивает меня брат и вскакивает с кровати, начиная ходить по комнате из угла в угол. – Что говорил? – останавливается и смотрит на меня в упор.

– Да особо ничего, – пожимаю плечами. – Во второй раз решил, что я его преследую, идиот.

– Точно идиот, – фыркает Стас. – Насчет Марка догадался?

– Да вроде нет, – я снова почему-то абсолютно спокойна. – Он решил, что это твой сын, то есть мой племянник, – тяжело вздыхаю и печально заканчиваю: – А я не стала переубеждать и подтвердила этот факт.

– Как еще наш мелкий балабол не проболтался, – мой братец усмехается, намекая на извечную болтливость моего сына, который не умеет хранить тайны и постоянно сдает нас с потрохами отцу.

Мы несколько долгих секунд стоим на своих местах, как будто приросли к полу, и смотрим друг на друга. И как-то одновременно у нас начинают вытягиваться лица, округляться глаза, и громко врывается только одно слово:

– Черт!

Мысли, походу, тоже совпадают, так как Марк сейчас с дедом. Он уж точно расскажет этому старому упрямцу, как два раза встречал высокого дядю, с которым мама оба эти раза разговаривала. Еще и слово в слово повторит все то, что я выдала Алексею.

Мы срываемся с места одновременно со Стасом, но не успеваем добежать до двери, как она, эта самая дверь, широко распахивается и на пороге появляется отец.

– Опоздали, – тяжело вздыхает брат, замирая на месте.

– М-мм, – только и могу произнести я, глядя на перекошенное лицо своего родителя. – Папа... – начинаю первой, выставяя руку вперед, но отец меня перебивает:

– Какого хрена, Ника, я узнаю от внука, что ты виделась с этим недоумком! – тычет пальцем в мою сторону, заходит в комнату и закрывает за собой дверь. – Мне кто-нибудь может объяснить, что происходит?

– Я сам только что узнал, – Стас разводит руками, после чего они вдвоем с отцом смотрят на меня, впиваясь своими цепкими взглядами.

Вот это я влипла, так влипла. Хотела посоветоваться наедине с близким человеком, а оказалась загнанной в угол двумя упрямцами.

Ох, и болтун, находка для шпиона, мой любимый сын! Как же тяжело с этими мужчинами, гордо именуемыми моими любимыми родственниками.

Не знаю, откуда берутся силы – в принципе, я всегда сопротивлялась и пререкалась с отцом. Сейчас не исключение – хватит на меня давить! Я все равно сделаю так, как посчитаю

нужным, несмотря на неприязнь отца ко всему семейству Пантелеймоновых. Особенно к их главе – у них с моим родителем давнишняя война.

– И чего вы на меня уставились? – я сканирую их по очереди взглядом в ответ. – Да, я виделась с Лешей. Случайно пересеклись – первый раз на празднике, куда мы ездили с Марком, второй – сегодня на соревнованиях у Миши.

– Он тебе угрожал? – отец делает шаг вперед, но у меня резко вырывается:

– Нет! – и уже после, немного тише добавляю: – Папа, он не недоумок. Просто...

Я запинаюсь, так как слова куда-то пропадают. Так же резко, как вырвалось недавнее “нет” в попытке защитить Лешку.

Время прошло, я успокоилась и даже простила его, хоть и скрыла рождение сына. Боюсь, что теперь, правда, уже он меня не простит.

Но я так же твердо уверена в том, что каждый человек имеет право исправить свои ошибки. Хотя бы попытаться это сделать. И я не позволю кому бы то ни было отнять у Леши возможность видиться со своим ребенком.

Если он захочет, конечно же.

Кстати, этот вариант развития событий я еще не рассматривала. А вдруг Пантелеймонов не захочет видеть сына? Или отберет его у меня, отомстив таким способом за прошлое? А если...

От очередного “если” меня едва не шатает, но я снова беру себя в руки – Ника, нельзя раскисать.

“Он не причинит вреда ни тебе, ни мальчику”, – произносит моя совесть, а я в ответ тяжело вздыхаю. Теперь надо как-то правильно донести мои мысли до моих же родственников.

Но, чувствую, тяжело мне сейчас придется, потому что эти два упряма продолжают впиваться в меня взглядом, всем своим видом готовые порвать Алексея на мелкие части.

Боже, дай мне сил с ними справиться!

Глава 12

Делаю несколько шагов назад и снова упираюсь пятой точкой в подоконник – слава Богу, хоть какая-то опора. Это даже лучше – стоять здесь, сложив руки на груди, тем самым “закрывшись” от нападков отца. Пусть злится, орет и читает нотации – мне по барабану его плохое настроение. Главное не начать нервничать еще сильнее, и не показать, что иногда слова моего родителя больно задевают и могут вывести из себя.

– Так что “просто”, дочка? – он стоит теперь уже рядом со Стасом и так же пристально продолжает меня сканировать своим коронным взглядом “попалась мышка в лапы льва”.

Это раньше я боялась...лет так до четырнадцати, а потом начала сопротивляться. На каждый его гневный выпад в мою сторону фыркала, пререкалась и делала назло. Его это бесило еще больше, зато я в душе ликовала, что отец не добился своего.

– Для начала смени тон, – спокойно произношу в ответ. – И прекрати Лешу оскорблять. Он, – делаю акцент на этом слове, – отец Марка, как бы тебе это не претило. И пока ты с этим не смиришься, разговора не получится.

– Н-да, – вставляет реплику Стас, но под моим гневным взглядом разводит руками и делает такое несчастное лицо, что желание злиться на него пропадает так же быстро, как и возникло несколько секунд назад.

– Я смирился, – кивает утвердительно отец. – И готов тебя выслушать. Почему ты не сказала, что виделась с ним?

– Повторяю, – не даю ему возможности и дальше задавать свои дурацкие вопросы. – В первый раз мы встретились случайно. Я не ожидала его увидеть в кафе, куда нас с Марком пригласили на день рождения. Он предположил, что малыш – это сын Стаса, а я не стала его в этом переубеждать. А что ты предлагаешь? – я все-таки немного взрываюсь, так как на протяжении моей речи отец постоянно хмурится. – Прямо в лоб ему сказать – «извини, дорогой, но я тебе не рассказала, что у тебя родился сын? Вот он, познакомься!»

– Я предлагаю, – отец говорит медленно, сверкая на меня глазами, когда я выдыхаюсь после своей злобной тирады на повышенных тонах. – Вам вообще больше не встречаться. С сегодняшнего дня будешь ездить с охраной, и парни ему просто не дадут возможности к тебе подойти.

– Глупо, пап, – я тяжело вздыхаю, так как понимаю – отца переубедить не получится.

Он уперся, как баран, в свою тупую ненависть, как и в эту нелепую войну с родителем Алексея, которая длится годами. И теперь таким образом хочет мстить своим врагам, используя меня и своего внука.

Только сейчас я понимаю до конца, что была не права, согласившись на уговоры отца не говорить Пантелеймонову о ребенке. Мой горячо любимый родитель без конца и края капал мне на мозги, что Леша меня использовал, никогда не любил, и спал со мной только из чувства долга перед своим отцом, поэтому так быстро забыл, ни разу не позвонив после нашего разрыва. И ребенка он будет использовать против меня и против всей моей семьи, потому что он нас всех ненавидит.

– Я не позволю тебе снова с ним связаться! – тычет пальцем в мою сторону отец, но я опять игнорирую его гневную тираду.

– Я решила встретиться с Алексеем и рассказать ему правду.

– Что?! – орет отец, а Стас тяжело вздыхает и бьет себя ладонью по лбу, закрывая лицо рукой. – Только через мой труп! Я не позволю этому убуд... – запинается, но после все равно заканчивает: – Даже не думай, Ника. Мне хватило прошлого раза, когда он...

– Хватит! – я взрываюсь окончательно и даже отхожу от подоконника, делая пару шагов вперед, чтобы быть поближе к отцу. Чтобы он, наконец-то, внимательно рассмотрел всю реши-

тельность, которая написала у меня на лбу, и которую он может прочитать в моих глазах. – Это мой сын, понятно? Ты только и делаешь, что командуешь мной постоянно. Я предупреждала – никакого контроля, иначе уеду! И уже больше не вернусь!

– Ну, а ты что скажешь? – папа резко переключается с меня на Стаса, так как видит по глазам, что я не шучу.

И мне очень надо остыть и подумать, что делать дальше. А сейчас, еще и в таком взвинченном состоянии, я только сделаю ему назло – и не важно, что будет потом.

– А что я могу сказать, – разводит руками брат. – В данном случае Ника права. Извини, папа, – Стас цокает языком, наблюдая, как отец хмурится, – но сейчас я на ее стороне. Да, согласен, – выставляет руку вперед, когда отец открывает было рот, чтобы ему возразить, – пять лет назад мы скрыли от него правду, имея на то веские причины. Но сейчас она должна ему рассказать правду. Я, как юрист, ее поддержу, и в случае, если Леха вдруг надумает мстить, то не позволю ему этого сделать.

– Он будет мстить! – снова выпаливает отец, делая акцент на слове “будет”. – Как же вы не понимаете! Сейчас, когда у него есть бабки, и он является главой крупнейшей корпорации, ему ничего не стоит развязать войну снова!

– Подожди, – я хмурюсь, так как не совсем понимаю, о чем идет речь. – Что значит, является главой корпорации? А как же его отец? Я думала, Леша никогда не променяет свой волейбол на бизнес.

– Его отец умер, – довольно спокойно произносит мой родитель.

– Как умер? – вылетает у меня как-то само по себе. Согласна, вопрос глупый, но папа застал меня врасплох. – Ты мне не говорил.

– Потому что ты не спрашивала! – резко обрывает, как обычно, в своем любимом командном тоне. – И это в очередной раз доказывает, что я был прав пять лет назад. Твой Леха, – он смотрит на меня в упор. – Такой же продажный и лживый, как и его покойный папаша, земля ему пухом.

– Достаточно! – грозно произносит Стас, наблюдая, как я начинаю поникать и нервничать еще сильнее. – Предлагаю всем окончательно остыть, подумать хорошенько и вернуться к этому разговору через несколько дней. Леха переживет еще немного без правды, а мы сейчас перерегуемся и наделаем кучу ошибок.

Отец молчит, но под строгим взглядом брата сдается. Кивает утвердительно головой и молча покидает мою спальню.

– То, что он сказал, это правда? – зачем-то спрашиваю у Стаса, хотя в глубине души понимаю, что брат сейчас ответит утвердительно. С подобными заявлениями не шутят, и уж тем более не врут.

– Ты успокойся для начала, – он стоит на месте и тяжело вздыхает. – Наш отец любит все преувеличивать, поэтому не бери слишком близко к сердцу его слова. Но да, Леха унаследовал бизнес отца почти четыре месяца назад. Мы пытаемся через подставные фирмы договориться о покупке его фирмы, но он пока не ведется.

– Зачем вам его фирма? – я стараюсь говорить спокойно, но все равно мой голос немного подрагивает.

– Это бизнес, сестренка, – усмехается Стас. – Прежде всего, это отличное капиталовложение. Поверь, о мести никто не думает.

– Не верю, – мотаю головой из стороны в сторону. – Отец спит и видит, как...

– Хватит, я сказал! – прикрикивает мужчина. – Разошлись по своим комнатам, успокоились, а после поговорим. И не надо спешить что-то делать всем назло, – Стас хмурится и смотрит на меня в упор. – И так уже натворили дел.

Фыркает напоследок и выходит из моей спальни, закрывая за собой дверь и не давая мне ни малейшей возможности что-то возразить. Хотя он прав – надо собраться с мыслями и подумать, как поступить дальше.

А они, как назло, хаотично бегают в голове и никак не хотят собраться в единое целое. Еще и слова отца западают прямо в сердце:

“Это в очередной раз доказывает, что я был прав пять лет назад. Твой Леха такой же продажный и лживый, как и его папаша”.

Стону, после чего разворачиваюсь и практически падаю на кровать лицом вниз. Хоть я и простила его, но наше прошлое снова и снова дает о себе знать. Наверное, это никогда не закончится. Мы так и будем страдать в глубине души, на людях показывая, как ненавидим друг друга.

А может, все же, любить? Где-то в глубине души.

Но прошлое не вернуть и не исправить, как бы нам этого ни хотелось.

Пять минут я лежу неподвижно, после чего встаю с кровати и направляюсь на первый этаж. Вечерние игры с сыном, потом горячий душ и обязательная сказка перед сном – сегодня малыш под мой монотонный голос засыпает быстро. Выключаю свет над кроваткой, целую Марку в щечку и выхожу из детской, оставив дверь приоткрытой.

И только в своей спальне понимаю, как устала – от переживаний, постоянных мыслей о том, что будет, и от воспоминаний о том, что было. И чего не вернуть, как бы мне этого ни хотелось.

Воспоминания...

Как же часто я думаю о прошлом.

О том, что пять лет назад я могла бы быть примерной девочкой, не разбить машину в тот злосчастный день, не сбежать из дома и... не встретить Леху. Слишком много этих “не”, которые мешают уснуть.

А в памяти очень ярко всплывает тот злосчастный декабрьский вечер – на улице точно так же шел снег, градусник показывал минус пять, а я в очередной раз сделала отцу назло, чтобы вывести его из себя...

Глава 13

Пять лет назад...

POV Ника

– Где эта малолетняя засранка? – крик отца заставляет меня замереть в дверном проеме комнаты, из которой я собираюсь выйти.

Прямо на пороге застаёт – и как тут не поверить в существование ангела-хранителя? Каких-то пару минут, и я попала бы под раздачу, а так моим буфером становится старший брат, который в своей любимой издевательской манере произносит:

– От твоего ора я скоро оглохну! Что она опять натворила? – в этом месте, я уверена, Стас закатывает глаза и тяжело вздыхает. А я негромко хихикаю, стоя на пороге собственной комнаты и прислушиваясь к мужским голосам на первом этаже.

– Где она? – не унимается отец, продолжая орать, как ненормальный. Да так, что стены дрожат и штукатурка отвалится с минуты на минуту. – В этот раз я ее разорву на части!

– Ага, – поддакивает братишка. – Свежо придание, да верится с трудом. Ты успокойся для начала и объясни популярно, что натворила младшенькая?

– Она разбила мою машину! – слишком громко произносит папаша, а Стас в ответ смеется. – Вчера вечером, – добавляет отец. – А я узнаю об этом только сегодня. Я так понимаю, ты об этом знал?

– Конечно, знал, – все так же весело отвечает брат, видимо, своим выражением лица выдав себя с потрохами, раз отец задал ему последний вопрос. – Я вообще все о ней знаю, в отличие от тебя.

– И мне ничего не сказал! – снова орет, а я закатываю глаза от его тупых изречений.

Тоже мне, раздул из мухи слона. Я и стукнула-то ее несильно – помято правое крыло, разбита фара, и на двери огромная царапина. Плюс еще отлетело боковое зеркало и на лобовом стекле трещина. Я же не виновата, что какой-то идиот припарковался рядом со мной, да так близко, что вырулить без потерь не получилось. но я пыталась, честное слово! А потом психанула и резко нажала по газам, выкручивая руль.

Результат налицо.

Правда, я так и не пойму, как появилась трещина на лобовом стекле. Но до кучи сойдет, чего уж мелочиться. К тому же, машину я стырила у отца без документов – даже гаишников не вызовешь, чтобы оформить протокол, и страховая бы компенсировала все затраты. Пришлось тащиться с мужиком в автосервис, где работают мои знакомые, и оплачивать ему ремонт тачки. Заодно и своей, точнее, папин внедорожник подремонтировать.

Вот интересно, какая падла на меня стуканула?

– То есть ты предлагаешь мне сдавать тебе постоянно сестренку? – с удивлением в голосе спрашивает Стас, а я улыбаюсь, так как знаю наверняка – мой старший братец, каким бы ни был занудным и циничным, никогда не настучит на меня папаше.

Как, в принципе, и я на него тоже.

– Постоянно? – переспрашивает отец.

– Не придирайся к словам, – перебивает его Стас, не давая возможности продолжать задавать свои дурацкие вопросы. – Разбила девочка машину, и что? Трагедию из этого устраивать?

– Эта, как ты ее называешь, девочка, – шипит громко отец, делая ударение на последнем слове, – взяла мою машину без спросу! А перед этим, – продолжает повышать тон, – эта самая девочка, – снова акцентирует, чтоб ему пусто было, – разбила свою тачку, которую я ей подарил! Три машины подряд! Моя четвертая! – орет, как потерпевший. Чего, спрашивается, он так завелся из-за какой-то мелочи. – Назло мне, как тебе хорошо известно.

– Так не дари ей больше, – Стас тоже повышает голос. – Пусть пешком ходит.

– Так не дарю! – вопит отец. – Она без спроса берет!

– Мальчики, что случилось? – раздается писклявый женский голос, принадлежащий новой пассии отца по имени Машенька.

Как же она меня бесит, кто бы только знал! И братишку, кстати, она тоже безумно раздражает.

Вот интересно, кто этой дуре сказал, что блондинкой быть круто? Я, к примеру, жгучая брюнетка, причем, натуральная, и не испытываю недостатка в мужском внимании. А эта крашеная выдра, помимо того, что идиотка, еще и тупая, как пробка. И страшная, как сто свиней.

Видимо, другим берет, раз мой папаша ее держит до сих пор в доме. Скорее всего, назло нам со Стасом, потому что мы ее терпеть не можем. А учитывая тот факт, что подобные Машеньки меняются, как новые машины в нашей семье, то злость у папеньки зашкаливает.

Эта, правда, уже три месяца плотно держится и молчит в присутствии своего благоверного, но за его спиной всё наше семейство поливает грязью, о чем мне хорошо известно. Жаль, ни разу не получилось записать на диктофон ее милую болтовню с подружками по телефону, а то я бы уже давно сдала Машеньку с потрохами.

– Иди к себе в комнату! – орет отец, слава Богу, не на меня, и через несколько секунд слышу цокот каблучков по деревянной лестнице.

Прикрываю дверь, чтобы эта крыса белобрысяя меня не спалила. Прислушиваюсь, как она проходит мимо моей комнаты, и через некоторое время закрывается дверь их совместной спальни с отцом.

Пронесло, слава Богу. Пока о моем пребывании в доме папаше не известно – а значит, есть возможность смыться по-тихому. Но для начала дослушаю его ор – очень любопытно, что ему еще успели про меня настучать.

Приоткрываю дверь и снова высовываю голову в коридор.

Глава 14

– То есть ты считаешь, это нормально? – продолжает голосить отец.

Когда уgomонится только? Достал уже со своими криками, честное слово. На своих подчиненных пусть орет, а не на нас со Стасом.

– Со своими сотрудниками будешь разговаривать в таком тоне, – озвучивает братишка мои недавние мысли, чем вызывает очередную улыбку на моем лице.

Вот это я понимаю, настоящая поддержка и опора! Не был бы он моим братом, я бы обязательно в него влюбилась и вышла за него замуж!

– А что ты скажешь на то, что эта звезда два месяца прогуливает пары? – не унимается папаша, а я вновь закатываю глаза, понимая, что еще одна падла меня сдала, что называется, с потрохами. – Мне ее декан сегодня звонил, сказал, что отчислит, если эта засранка в ближайшее время не появится в университете.

– Вот скажи, папа, ты правда идиот или только прикидываешься? – с удивлением в голосе спрашивает Стас.

– За словами следи, не с бабами своими разговариваешь! – орет отец в ответ, но братишка нагло игнорирует его замечание, продолжая вещать в своем любимом издевательском и ехидном тоне:

– Так я тебе еще три с половиной года назад говорил, что она не будет там учиться! На кой хрен ты ее туда запихнул, скажи на милость?

– Это МГИМО, Стас...

– Да хоть Гарвард! – нагло перебивает его мой любимый братец, а я не только еще сильнее расплываюсь в улыбке, но и ликую в душе.

Я не хотела там учиться – ни тогда, когда отец выносил мозг своими нравоучениями, какое крутое образование там получают студенты, ни тем более сейчас, когда желание к учебе отсутствует напрочь. Вот говорили же ему тогда – не трать деньги и нервы. Не послушал. А теперь орет, как ненормальный, чтоб ему пусто было!

– Должна же она понимать... – продолжает отец на повышенных тонах, но Стас снова его перебивает:

– Девочка любит рисовать, и хотела поступать в один из университетов столицы на дизайнера. Скажи на милость, почему ты ей не позволил?

– А потом эта девочка, – снова фыркает отец, – будет малевать цветочки с бабочками, которые нахрен никому не сдались, и продолжать сидеть у меня на шее. Ты считаешь это нормальной работой?

– Если честно, папа, я вообще не представляю Нику работающим человеком! – выпаливает Стас на одном дыхании. – Какой идиот будет пахать двадцать часов в сутки, имея в кармане безлимитную кредитку и карточку с валютой? – замолкает и через пару секунд заканчивает: – Тоже, кстати, безлимитную.

Отец фыркает, пытается доказать что-то Стасу, но тот стоит на своем, защищая меня. Конечно, с некоторыми аргументами братца я не согласна, но кто ж меня спрашивает. Главное, что отцу протрет мозги, как он умеет. А Стасик умеет однозначно – возможно, немного цинично, но зато действенно.

– Как так получилось, – продолжает верещать отец. – Сын – моя гордость и опора. Первоклассный юрист, ответственный и исполнительный. И эта, – делает паузу. – Даже не знаю, как ее правильно назвать.

– К малолетней засранке уже все привыкли, – усмехается громко Стас. – Не изобретай велосипед.

– Сколько скандалов из-за нее, – продолжает вещать папаша. – Весь Интернет кишит ее снимками – то драки, то стриптизы в клубах, то пьяные вечеринки с дебошем...

– Не продолжай. Надоело слушать одно и то же, – спокойно произносит брат. – Но ты сам виноват. С детства никакого контроля, куча бабла, которое реально ей девать некуда, полный игнор с твоей стороны. Вот скажи мне, папа, – он делает акцент на последнем слове. – Ты когда с ней разговаривал в последний раз? Не в обычной твоей манере, когда ты орешь, а она делает тебе назло, а нормально, по-человечески, а? Ты хоть раз поинтересовался, чего ей не хватает, и почему она себя так ведет? – запинаясь, деля паузу, и через какое-то время заканчивает: – Молчишь? Вот и молчи. Потому что ни на один из моих вопросов ты не можешь ответить точно.

– Тебе надо было в психологи идти, а не в юристы, – отец снова начинает повышать голос. – Где она?

– Не знаю! – орет Стас в ответ. – Дома ее нет, с утра не видел!

Дальше слушать их милую и душевную беседу нет смысла, поэтому я тихонечко закрываю дверь и захожу назад в комнату. Сумка у меня большая – запасное нижнее белье, зубная щетка, расческа, косметика и многое другое, что может понадобиться, помещается туда без проблем.

Залезаю в тумбочку, где лежат ключи от дачи за городом – отец туда вряд ли наведается, да и о том, что у меня есть дубликаты, он не в курсе. Заранее сделала втихаря от него – как чувствовала, что пригодятся. Пару-тройку дней придется там перекантоваться, пока не остынет и не успокоится. Машину к тому времени отремонтируют, с деканом папаша договорится, а об остальном забудет.

Так было всегда – так будет и в этот раз, мне не привыкать. Главное, сейчас переждать, а дальше все образуется.

Закрываю молнию на сумке и выхожу на балкон. Сапоги на довольно высоком каблуке, но другие три пары внизу, на первом этаже. А туда мне спускаться нельзя, поэтому придется побегать какое-то время на шпильке.

Рядом с балконом стоит высокая лестница. Летом я умудрилась захлопнуть дверь в комнату, оставив ключи внутри. Пришлось лезть через балкон и вынимать стекло, чтобы попасть в спальню. Не дверь же дубовую топором рубить, честное слово.

Лестницу хотели убрать, но я уговорила нашего садовника ее оставить. И не раз потом благодарила доброго дядю Васю, что он не стал сопротивляться и докладывать отцу, а только ухмыльнулся в ответ на мою просьбу.

Сколько раз меня эта лестница выручала!

Уже стоя на балконе, достаю мобильный телефон и пишу Стасу смс:

“Спасибо, братишка!”

И меньше, чем через минуту, прилетает ответ:

“У тебя десять минут, чтобы смыться. Осторожнее”.

Улыбаюсь, в глубине души радуясь, что у меня такой понятливый и заботливый брат. Выключаю гаджет, чтобы отец не смог меня найти, засовываю смартфон назад в сумку и перекидываю ногу через перила.

Десять, так десять! Мне и двух за глаза хватит, чтобы спуститься вниз и тихонечко проскользнуть мимо охраны.

Я-то уж знаю, как это сделать незаметно!

Глава 15

Я точно знаю – четырнадцать ступенек, и уже под ногами земля, покрытая снегом. Сумка перекинута через левое плечо и при каждом шаге легонько бьет меня в правый бок. Я когда-то купила ее на распродаже за границей, и ни капли не пожалела. Сколько раз она меня выручала, вмещая в себя кучу вещей, которые могут пригодиться в экстренных ситуациях.

Таких, как сейчас, например.

Мне бы всего несколько дней посидеть на даче тихо, как мышь – чтобы отец забыл о своих угрозах, успокоился и больше не орал ни на меня, ни на Стаса.

Прошмыгиваю мимо охраны, подбегаю к калитке, набираю код и скоренько покидаю огромную территорию нашей усадьбы. Вот нафига моему папаше столько квадратных метров? Мне бы и однокомнатной квартиры хватило для всех моих нужд. А здесь...

Мы когда-то со Стасом поинтересовались, не страдает ли наш родитель комплексом Наполеона, приобретая все, что можно, огромных размеров – начиная с дома и его территории, размахом его бизнеса, у которого практически нет конкурентов, так как самые “жирные” заказы достаются отцу, и заканчивая громадными шкапами, креслами и остальной чепухой, которой набит наш дом.

Он в ответ фыркнул, сказал, что надо поддерживать статус богатого человека, а мы с братом ничего не понимаем в роскоши.

Ну, не понимаем, так не понимаем – посмеялись, пошушукались за углом, чтобы отец не слышал, и больше не возвращались к этой теме.

На улице идет снег. Мороз хоть и небольшой, но из-за сильного ветра кажется, что все минус двадцать. А то и минус тридцать – я в этом не понимаю, но холодно ужасно.

Кутаюсь в короткую курточку, но все равно быстро замерзаю. Я же сегодня не планировала таскаться по морозу без транспортного средства, поэтому даже шапки не надела. Меня ждут друзья, с которыми мы планировали потусить в клубе – но звонить кому-то из них опасно. Мало ли, кто на меня папаше стучит? Этот хитрый жук может запросто заплатить кому-то бабла, чтобы сдавали ему меня с потрохами. А потом еще удивляется, почему все мои чудачества так ярко и красочно описываются в сети!

Меньше бы стукачей кормил, на меня бы в принципе не обращали внимания всякие писаки из Интернета!

Каких-то пять минут на улице, а уже продрогла до костей. Снег падает на голову – еще немного, и волосы превратятся в сосульки. Черт, как же холодно! Такими темпами я даже до трассы не дойду и замерзну в каком-нибудь сугробе. Надо хотя бы тачку поймать, чтобы до вокзала добраться, а там в Подмосковье на электричке.

И тут я резко останавливаюсь и мысленно бью себя по лбу. Какая же я растяпа!

Баксы на всякий пожарный обналачила, а вот с национальной валютой засада. Не думала я, что придется именно сегодня расплачиваться рубликами – вот же балда непредусмотрительная! Я в принципе не думала, что сегодня буду сама за себя платить – а пачка долларов давно лежала в укромном месте, откуда я их захватила с собой.

В кармане какая-то мелочь – но ее хватит разве что на автобус. Хотя водители такси и от соточки баксов не откажутся. Но светить большую сумму денег опасно, находясь в машине вдвоем с неизвестным мужиком. Мало ли, треснет по башке и заберет всю мою наличность.

Ладно, была не была – придется включить мобильный и позвонить кому-нибудь из друзей, чтобы забрали меня.

Экран загорается, и сразу же раздается звонок от отца. Ага, как же, разбежалась трубку брать. Звони, звони – я все равно не буду с тобой разговаривать, любимый мой папашка!

Мелодия замолкает, и я нахожу в телефонной книге номер Ромки Кукушкина, одного из моих корешей, кто вместе со мной постоянно участвует в различных чудачествах.

– Никуля, солнце мое, – начинает парень первым, и я по голосу понимаю, что он уже пьян. – Ты где?

– В Караганде, – ворчу, продолжая медленно продвигаться по заснеженной улице. – Лучше скажи, ты где?

– Так это, – он делает паузу. – В кабаке бухаем, тебя ждем.

– Кукушкин, ты прикалываешься надо мной? – я немного прикрикиваю на парня. – Какой кабак? Какой “бухаем”? Меня кто заберет?

– Так это, – повторяет Ромка свою любимую фразу. – Димон сказал, что ты сама доберешься. Вроде тачку у отца взяла, и от услуг нашего ловеласа отказалась.

– Он обкурился? – уже вовсю ору в трубку и только сейчас понимаю, что я снова лоханулась.

С этой дурацкой вчерашней аварией я совсем забыла позвонить Димону и сказать, что я снова без транспортного средства. И ему крайне необходимо меня сегодня забрать.

– Так это...

– Ладно, не начинай, – нагло перебиваю парня и тяжело вздыхаю. – Кстати, а что за повод? Вроде ж договаривались в клуб пойти вечером, а вы уже практически в неадеквате.

– Кудрявая права получила! – выдает Ромка радостную новость, и тут же в трубке слышу пьяный женский голос:

– Никуля, солнышко, мы тебя ждем.

– Ты мне лучше скажи, есть кто-нибудь трезвый, кто бы мог меня забрать сейчас? – игнорирую я ту самую Кудрявую, которую на самом деле зовут Вика Полякова. Моя бывшая одноклассница – такая же раздолбайка, как и я.

– Не-а, – снова пьяным голосом произносит парень. – Такси возьми, в чем проблема? Мы в “Тройке”, приезжай.

– Сегодня не могу, – чувствую, что пальцы уже замерзают, а еще кто-то настойчиво пытается прорваться по второй линии. – Бухайте без меня.

И выключаюсь, наблюдая на экране снова номер телефона отца.

До свидания, папа! Не возьму я трубку, даже не мечтай.

Сбрасываю его вызов и снова выключаю телефон.

Пофиг на все, лишь бы уехать отсюда. Сто, двести, да даже триста баксов – заплачу любую сумму, лишь бы до вокзала доездили.

Давненько я тачки на дороге не останавливала. Обычно либо сама за рулем, либо друзья возят, либо, в самом крайнем случае, вызываю такси.

Первых трех смельчаков культурно отшиваю, так как понимаю – нам не по пути. Грязные и пошлые намеки с предложением провести хорошо время, к тому же помимо водителей в салоне есть и пассажиры – исключительно мужского пола.

Нет уж, мальчики, сегодняшней вечер проведете с другими цыпочками. Без меня.

А вот с четвертым везет – какой-то пенсионер на копейке любезно соглашается подвезти, правда, только до ближайшего метро. Отказывается от денег, но я все равно ему оставляю сто долларов. Мне не жалко, а деду приятно.

Вылезаю из теплого салона, а на улице, кажется, еще холоднее. К тому же метель разошлась не на шутку, а мне надо перейти на другую сторону улицы, чтобы спуститься под землю.

Загорается зеленый свет, и я начинаю движение. Шаг, второй, третий. Слышу звук тормозов, а через пару секунд сильный удар в ногу. Теряю равновесие и падаю, ударяясь головой об лед. Перед глазами все плывет, и такое чувство, что не могу даже пошевелиться.

Только этого мне не хватало для полного счастья.

Закрываю глаза, понимая, что дальше самостоятельно двигаться не смогу.

И вставать не хочу – будь, что будет!

Глава 16

POV Алексей

– Пантелеймонов, что с тобой сегодня? – кричит тренер после моего очередного неудачного блока. – Я тебя не узнаю, Леш. Случилось чего?

– Все в порядке, – ворчу себе под нос, направляясь на вторую линию, так как из-за моей косорукости мы опять пропустили мяч.

Еще и от кого – запасные игроки объединились против основного состава и прут, как танки, к победе. На тренировке! Перед важным товарищеским матчем, который состоится уже послезавтра. Еще немного, и запас сделает основной состав, как детей малых!

А все из-за того, что отец позвонил перед тренировкой и предложил встретиться, так как давно не виделись. Раз уж я в столицу прилетел на сборы – так почему бы не воспользоваться моментом. И ехать никуда не надо – лучше надавить на жалость, и сын прилетит к нему на встречу.

Я даже знаю, что он мне скажет:

“Леша, тебе двадцать три года. Пора прекратить жить иллюзиями и начать зарабатывать деньги. Ну зачем тебе твой волейбол, скажи на милость?”

“Тебе не понять”, – традиционно буркну в ответ, и мы в очередной раз разругаемся вдрызг, толком не успев помириться после предыдущей встречи.

Как ему, твердолобому, объяснить, что надо было воспитывать раньше – вдалбливать в мозг каждый день, что его фирма когда-то станет моей и надо заранее обучаться премудростям ведения бизнеса.

Раньше, папа, а не сейчас. Когда у меня есть цель и мечта. И мне плевать на бизнес, миллионные контракты и твоих сотрудников. Как говорится, “поздняк метаться”, потому что на тебя, мой дорогой и любимый папа, мне тоже плевать.

– Да что с тобой, Пантелеймонов? – кричит тренер, отвлекая меня от ненужных мыслей.

Я так задумался, что пропустил мяч. Даже не видел, как он приземлился возле меня.

– Извините, – снова ворчу, так как мои друзья с интересом наблюдают за мной.

– Так, – командует тренер. – Пантелеймонов ко мне, Василевский вместо него на площадку.

– Я в норме! – поворачиваю голову в сторону мужчины, но он хмурится и резко обрубают:

– Я сказал, ко мне! Василевский! – орет на паренька, который впервые попал на сборы. – Бегом на поле.

Валентин резво подскакивает и также резво выбегает на площадку, а я плетусь на скамью запасных. Падаю, что называется, на деревянную поверхность, вытягиваю ноги, опираюсь спиной о стену и закрываю глаза.

Вот откуда он узнал, что я прилетаю на месяц в Россию? Зачем звонит без конца и края, доставая меня никому ненужными нравоучениями? Я не хочу с ним встречаться – сегодня постараюсь расставить все точки над “i” в наших довольно сложных отношениях.

– Леша, – тренер присаживается со мной рядом, и мне приходится открыть глаза и повернуть голову в его сторону. – Что с тобой?

– Семейные проблемы, – печально вздыхаю. – Что-то я сегодня и вправду, – делаю паузу, – не в форме. Завтра все будет в порядке, не переживайте.

– Ты давай, приходи в свою форму, – тренер хлопает меня рукой по плечу. – Если завтра не покажешь мне мастер-класс, то послезавтра я не выпущу тебя на поле. Уж извини, – разводит руками, – сам виноват.

– Я не подведу, – киваю утвердительно головой, так как мужчина прав.

И сопли разводить мне здесь никто не позволит.

– Тогда марш домой, отдохни и выспись, – тренер встает со своего места и направляется к краю поля. – Василевский, твою мать! – орет уже на паренька, который меня заменяет. – У тебя что, руки из жопы растут? Я нахрена тебя в сборную взял?

Дальше слушать не хочу, поэтому встаю с лавки и направляюсь в раздевалку, на ходу прощаясь с ребятами взмахом руки.

Теплый душ немного приводит в себя – еще бы успокоиться перед встречей с отцом. Но никак не получается взять себя в руки. Точно в очередной раз поругаемся, даже к гадалке не ходи.

Надеваю спортивный костюм, сверху куртку, складываю вещи в сумку и выхожу из спорт-комплекса. На улице снег резко бьет в лицо – метель разошлась не на шутку. Быстро направляюсь к автомобилю, который вместе с квартирой предоставил мне в личное пользование мой лучший друг Артем Вишневецкий. Знает, что не люблю жить на базе, а у отца тем более никогда не соглашусь остановиться, поэтому Темыч никогда не отказывает в гостеприимстве, имея личную жилплощадь в столице.

Немецкий седан мигает фарами, когда я нажимаю на брелок, чтобы снять сигнализацию. Закидываю сумку на заднее сиденье, после чего залезаю на водительское кресло. Завожу мотор и тяжело вздыхаю – как представляю, что сейчас придется переться практически на другой конец города, жить не хочется. Но раз обещал, значит, придется отвечать за свои слова.

Плавню вырваливаю со стоянки спорткомплекса и через несколько минут вливаюсь в поток машин на оживленном проспекте. В салоне тепло, играет какая-то лирическая мелодия из динамика, но улучшению настроения это не способствует. Я внимательно слежу за дорогой, так как видимость плохая из-за обильного снега с ветром.

На мобильном начинает играть Рамштайн – опять отец звонит, черт бы его побрал. Я специально поставил на него агрессивную мелодию, чтобы еще до разговора настроиться на негатив.

– Да! – принимаю вызов и кричу в трубку, продолжая внимательно смотреть на дорогу.

– Сынок, ты уже едешь? – аккуратно спрашивает мужской голос на другом конце провода.

– Еду, – немного спокойнее отвечаю. – Что-то случилось?

– Нет, нет, – быстренько ретируется отец. – Я тебя жду, как и договаривались.

– Тогда нахрена ты мне звонишь третий раз за день? – ору в трубку и всего на пару секунд отвлекаюсь от дороги. – Я за рулем.

– Жду тебя, – быстро заканчивает и отключается, а я бросаю телефон на соседнее кресло и поднимаю глаза.

Красный свет светофора замечаю слишком поздно – жму на тормоз, но из-за гололедицы машину начинает куда-то нести. И женский силуэт как-то внезапно появляется перед капотом.

Звук от удара, полная остановка машины, и я – сижу, схватившись за руль и не совсем понимая, что происходит.

Точнее не так – я понимаю, что сбил человека, правда, пребываю от этого в каком-то ступоре.

– Твою мать! – бью по рулю, после чего открываю дверь и вылетаю на улицу.

Прямо перед капотом лежит миниатюрная девушка – снег падает на ее хрупкое тело, глаза закрыты, и она не шевелится.

Боже, что же я натворил?

Глава 17

Несколько секунд стою на месте, не шевелясь. Черт, что же делать?

“Отомри, Леха. Для начала хотя бы пульс проверь”, – в голове появляется какой-то странный голос, и я понимаю, что своим ступором могу сделать только хуже.

Подхожу ближе, присаживаюсь, после чего становлюсь одним коленом на лед и дотрагиваюсь пальцами до девушки – руки ледяные, кожа на лице холодная, и шея, кстати, тоже. Слава Богу, хоть пульс бьется. Надо что-то срочно с ней делать.

– Господи, – вопит где-то рядом женский голос. – Людей уже прямо на улице посреди белого дня убивают. Скорую вызывайте! Срочно!

– Эй, ты жива? – трясую девушку за плечи, игнорируя резвую старушку. – Очнись.

– Бедная деточка, – продолжает верещать бабулька. – Ирод проклятый, что ж ты с ней сделал?

– Бабка, не ори, и так башка болит, – произносит темноволосая красавица и открывает глаза. Они так близко, что я смотрю в них и не могу отвести взгляда. – Я попала в Рай, – девушка закрывает снова глаза, а я усмехаюсь. – А ты – ангел!

– Да пока еще вроде на земле, – я поднимаю ее, чтобы она могла сесть. – Как чувствуешь себя?

– Точно не ангел? – она прищуривает один глаз, после чего поднимает руку и проводит пальцами по моим волосам. – Снег, – тяжело вздыхает. – А я так надеялась.

– Скорую вызывайте и полицию! – продолжает вопить бабулька.

И где только берутся столь ответственные граждане, причем в самый неподходящий момент!

Девушка пытается встать, но кривится, так как, видимо, слишком сильно я ударил ее по ноге. Может, и правда, скорую вызвать, или хотя бы отвезти девчонку в травмпункт?

Я все же надеюсь, что ничего слишком серьезного и критического с ней не случилось, иначе бы она не пыталась закрыть рот резвой старушке, которая, кстати застывает именно за красотку темноволосую, обвиняя меня во всех смертных грехах.

– Бабка, – снова кривится девушка. – Вот просила же не орать. Голова болит, нога болит, и день сегодня дерьмовый. Еще и ты вопишь над ухом, как потерпевшая. Иди с Богом, мы тут сами разберемся, кого вызывать, а кого нет.

– Хамка! – фыркает бабулька. – Неблагодарная!

Разворачивается и направляется на противоположную сторону дороги, а мы вдвоем лишь усмехаемся, провожая старушку взглядом.

– Давай помогу, – я придерживаю девушку, но она все равно не может встать. К тому же начинает дрожать так сильно, что слышно клацанье зубов. – Твою ж...

Беру девушку на руки и подношу к автомобилю. Ставлю ее на землю, открываю переднюю пассажирскую дверь и помогаю незнакомке забраться в салон.

Сзади уже выстроилась небольшая пробка, но я игнорирую сигналы недовольных водителей. Аккуратно вырливаю со встречной полосы, поворачиваю вправо и через несколько метров заезжаю на стоянку супермаркета, чтобы поговорить с незнакомкой и решить, как поступить дальше. То, что бросить я ее не могу – это факт, причем неоспоримый.

Я виноват и должен нести ответственность за содеянное. Придется на вечер стать нянькой для взбалмошной девицы. Хотя она мне нравится – огромные темно-карие глаза, длинные черные волосы и очаровательная улыбка – все в комплекте делает ее очень красивой.

Если бы не ехидный язычок.

– Как себя чувствуешь? – я первым прерываю молчание, наблюдая, как девушка трет заледеневшие руки друг о друга.

– Да вроде нормально, – она дышит в ладошки и продолжает дрожать. – Испугалась больше, а так все в порядке.

– Может, лучше в больницу? Врачу тебя покажем, вдруг что-то серьезное?

– Ой! – девушка кривится и цокает языком. – Ничего там серьезного нет. Поболит и перестанет.

– Как скажешь, – улыбаюсь в ответ. – Тогда побуду твоим личным водителем, если не возражаешь. Говори, куда тебя отвезти – доставлю в лучшем виде.

– Ага, – ворчит темноволосая красотка. – Я заметила, как ты умеешь доставлять в лучшем виде. Лучше скажи, как так получилось, что машина твоя на встрече оказалась? Я вроде на зеленый свет переходила...

– Я виноват, не отрицаю, – поворачиваю голову в ее сторону. – Долго будешь доставать? Скажи, куда тебя отвезти – в больницу, домой или куда ты там торопилась.

Как-то резковато у меня получается, но девчонка игнорирует мой повышенный тон. Ухмыляется, глядя мне прямо в глаза, а у самой в этих самых глазах черти пляшут. Вот же упрямица! Чувствую, намучаюсь я с ней за сегодняшний вечер.

– Времени сколько? – спокойно спрашивает незнакомка, а я поднимаю одну бровь вверх в немом изумлении. – У меня телефон сдох, не могу посмотреть.

Достаю свой гаджет из бардачка, куда положил его, когда помогал девушке сесть на переднее пассажирское кресло, и включаю экран.

– Почти половина восьмого, – произношу, и тут мой мобильный оживает. На экране номер отца, хоть я про него уже и забыл. – Черт, – тяжело вздыхаю и принимаю вызов. – Да, пап.

– Сынок, ты скоро? У тебя все в порядке?

– Я сегодня не приеду, – произношу, глядя на сидящую рядом девушку. – У меня небольшой форс-мажор нарисовался.

– Помощь нужна? – голос отца становится испуганным. – Скажи, чем помочь, я все сделаю.

– Не надо ничем помогать, – я пытаюсь держать себя в руках, но чувствую, что надолго меня не хватит. – Давай перенесем встречу на понедельник. Сегодня, правда, не могу.

И первым отключаюсь, чтобы не слушать нравоучения или бесконечные вопросы о том, что случилось, и чем он может мне помочь.

– Я могу и сама добраться, – как ни в чем не бывало произносит темноволосая красотка. – А ты езжай на встречу с отцом.

– Помолчи, без тебя тошно, – все-таки не сдерживаюсь и выдаю девчонке довольно резко. – Ты можешь сказать, куда тебе надо ехать? – довольно громко вырывается у меня, а она отвечает на повышенных тонах:

– Не знаю!

Глаза горят, щеки покраснелись, и видно невооруженным взглядом, что уже отошла и от шока, и от холода. Но ее последняя фраза заставляет меня округлить глаза и уже спокойнее произнести:

– Что значит, не знаешь?

Глава 18

Девушка дышит часто, периодически кривит губы, но молчит. А я смотрю на нее в упор, не совсем понимая, что с ней происходит. Странная она и очень необычная. Слишком загадочная, я бы сказал, при этом красавица – тут врать не буду.

– Отвези меня на вокзал, – наконец-то произносит незнакомка, отворачивается и откидывается на спинку кресла.

– На какой? – на всякий пожарный уточняю, так как в столице этих самых вокзалов тьма тьмушая. Если честно, я и сам толком не знаю, сколько их, в каком конце города они находятся и как быстрее туда добраться, чтобы не стоять по два часа в пробках.

– На любой, – резко выдает темноволосая красавица.

Как же меня достали ее полунамеки и недосказанности! Ведь можно нормально объяснить, куда ей надо и зачем? Так нет же, ехидничает, умничает и издевается надо мной уже минут пятнадцать, если не больше. Спасает ее только мое чувство вины – не сбил бы я ее, и проблем бы сейчас не было.

– Послушай, как там тебя, – начинаю постепенно закипать, но все еще пытаюсь держать себя в руках.

– Ника, – бросает девушка одно единственное слово.

– Это сокращенно от Вероники? – усмехаюсь, пытаюсь хоть как-то ее разговорить и разрядить накалившуюся обстановку, но получаю прямо противоположный эффект.

Красотка вспыхивает, поворачивает голову в мою сторону и довольно грубо произносит:

– Никаких Вероник, Анжелик или других экзотических имен! В паспорте написано – Ника Андреевна. Поэтому будьте любезны!

– Ну, извините, – произношу с ехидством в голосе, чувствуя, что еще немного, и я выплесну на сидящую рядом девушку все свое сегодняшнее плохое настроение. – Любезная Ника Андреевна, не уточните ли вы название и адрес вокзала, куда вас доставить? А то мы люди не местные, со столичной жизнью не знакомы, поэтому...

– Да пошел ты! – выдает моя спутница, разворачивается ко мне спиной и открывает дверь.

Делает шаг, затем второй, но, по ходу, забывает о больной ноге – снова падает на лед, так и не успев захлопнуть дверь.

Слышу ее протяжный стон, пару неллицеприятных высказываний и довольно грубых словечек. Да уж, с ней соскучишься. Но как бы она меня в данный момент ни раздражала, в глубине души я понимаю, что немного перегнул палку. Не надо было с ней так – мог бы и сдержаться. Ведь девочка не виновата, что отец еще с утра испортил мне настроение своим звонком. А потом еще тренировка не задалась, так как я только и делал, что проклинал свое дурацкое чувство ответственности.

И вот результат – срываюсь на девушке, которая ни в чем не виновата. И уж тем более не должна выслушивать мои ехидные реплики.

– Твою мать! – бью по рулю и выхожу на улицу.

Ветер со снегом бьют в лицо, но я снова не обращаю на это внимания. Обхожу машину спереди, подхожу к красавице Нике и присаживаюсь рядом с ней на корточки.

– Слушай, как там тебя, – она кривится и держится руками за щиколотку. – Отвали, а? И так день ни к черту, еще и ты достаешь. Я из-за тебя опоздала на электричку, а следующую ждать часа два, если не больше. Да и с больной ногой я три километра по льду не смогу пройти. Я собиралась за городом на даче отсидеться, пока мой родитель усмирит свой гнев, а из-за тебя теперь ночевать негде. Я даже до метро не доковыляю без чьей-либо помощи.

Она выдыхается, смотрит мне в глаза, а после того, как я усмехаюсь, бьет кулаком в плечо. Судя по ее пылающим гневом лицу, Ника приложила максимум усилий, чтобы ударить меня побольнее, но мне почему-то смешно.

– Успокоилась? – наблюдаю, как она снова берется обеими руками за ногу и кривится.

– Отвали! – ворчит и даже не поднимает своих глаз, чтобы встретиться с моими.

А мне уже не хочется на нее злиться. Наоборот, какое-то чувство ответственности просыпается внутри с неведомой силой – ведь мама с детства учила, что надо помогать тем, кто нуждается в этой самой помощи. А сидящая сейчас на земле девушка, как мне кажется, сама не справится с теми проблемами, которые свалились ей на голову.

Хотя, мне бы для начала со своими разобраться, а не чужие решать, но я игнорирую красную лампочку в голове, которая настойчиво предлагает отвезти девушку на вокзал и забыть о ней, как будто ее и не было в моей жизни.

– Предлагаю убрать эмоции и начать сначала, – произношу мягко, прогоняя все ненужные мысли прочь и продолжая улыбаться. – Меня зовут Алексей, – протягиваю руку вперед и жду реакции темноволосой красотки.

Надеюсь, она все-таки успокоится и не будет больше вредничать. Хотя мне нравится ее строптивый характер – ни разу никто из представительниц прекрасного пола мне не говорил “Отвали” или “Пошел ты”. И уж тем более не пытался ударить меня, пусть даже и не сильно.

Девчонка смотрит какое-то время на мою протянутую руку, после чего вкладывает свои тоненькие пальчики в мою широкую ладонь.

– Очень приятно, – поднимает голову вверх, встречаясь со мной взглядом. – Ника Андреевна.

– Ты неисправима, – смеюсь, легонько пожимая ее руку в ответ, после чего помогаю ей встать и снова залезть в салон автомобиля. Закрываю переднюю пассажирскую дверь и направляюсь к месту водителя, обходя машину спереди. – Если я правильно понял, то тебе надо за город, – усаживаюсь удобней и поворачиваю голову в сторону своей спутницы. – Далеко?

– Километров сто двадцать, может больше, – Ника пожимает плечами, а я уже в голове просчитываю, как долго мы будем туда добираться.

А главное – во сколько я попаду домой, потому что еще столько же возвращаться назад. По заснеженной трассе, в темноте. К тому же, город погряз в пробках из-за непогоды, и даже до полуночи обернуться вряд ли получится.

– Другие варианты есть? – интересуюсь на всякий случай.

Как говорится, а вдруг повезет, и я отделаюсь малой кровью? Отвезу ее к друзьям или родственникам и избавлюсь от проблемы под названием “Вредная Ника”.

– Пока нет, – она уже взяла себя в руки, поэтому отвечает довольно спокойно. – Возможно, завтра и появятся, а пока...

– Я понял, дальше не продолжай.

Завожу мотор, после чего плавно трогаюсь с места. Надоело мне уже торчать на холоде, постоянно бегая за строптивой красавицей. Надо согреться, отдохнуть и успокоиться, потому что если завтра на тренировке я снова буду витать в облаках, то послезавтра меня не выпустят на поле. И прощай мечта вместе с Чемпионатом Мира.

– Куда мы едем? – аккуратно спрашивает Ника, когда явливаюсь в поток автомобилей на проспекте.

– Если не возражаешь, то ко мне домой, – смотрю прямо перед собой в лобовое стекло, так как больше нет никакого желания еще кого-нибудь сбить или не дай Бог разбить чужую машину.

– А если возражаю? – чуть ли не по слогам произносит и, как я понимаю, ждет с нетерпением моего ответа.

– У меня трехкомнатная квартира, выделю тебе отдельную комнату, – останавливаюсь на светофоре и поворачиваю голову в сторону девушки. – Я не маньяк, если тебя этот вопрос так сильно беспокоит. И девушек не насилую, так что за свою честь и достоинство можешь не переживать. Если надо, могу показать паспорт. У меня, правда, хреновое настроение и нет ни сил, ни желания с тобой дальше ссориться. Уговаривать не буду – если хочешь, могу отвезти на вокзал. Но я все же думаю, что моя квартира на данный момент наилучший вариант для тебя. А завтра решим, что делать дальше. Выбирай.

Заканчиваю свою пламенную речь, на протяжении которой даже негативных эмоций на лице девушки не появляется. Правда, под конец она ехидно усмехается, кивает и довольным голосом произносит:

– Если не маньяк, то договорились!

Откидывается на спинку кресла и закрывает глаза.

Тяжело вздыхаю, после чего снова переключаюсь на дорогу – до дома еще целых полчаса езды. Если, конечно же, в пробке не застрянем.

И нахрена оно мне надо, скажите на милость?

Глава 19

POV Ника

Его предложение застаёт меня врасплох – на пару секунд даже теряюсь, так и не придумав, что ответить. Но фраза “Я не маньяк, если тебя этот вопрос так сильно беспокоит” реально вызывает улыбку на лице. Странный он, хоть и симпатичный. Про рост я промолчу – таких высоких никогда в жизни не встречала, разве что по телевизору видела.

Друзьям, как оказалось, пофиг на мое довольно плачевное состояние – я даже не могу телефон включить, чтобы кому-то позвонить, так как отец в два счета вычислит мое местоположение. И тогда кара за непослушание последует незамедлительно.

Он еще не знает или просто не успел рассказать Стасу об очередном моем “грехе”. Позавчера я культурно (или не очень – честно говоря, особо в выражениях не стеснялась) послала очередного кандидата в женихи, которого подогнал мне папенька. На двадцать лет старше, толстый, лысый, с противной улыбкой, от которой сам Олег Александрович, походу, тащится и считает, что все представительницы женского пола должны штабелями складываться и падать ниц перед ним. Как такое в принципе может понравиться девушке в двадцать один год?!

Я, конечно, согласна, что многие поведутся не на “очаровательную” улыбку своего будущего спутника, забив на возраст и остальные негативные моменты, а исключительно на толщину кошелька, но я-то, в отличие от кучи провинциалок, приехавших покорять столицу, в деньгах не нуждаюсь. И со вкусом у меня проблем нет. Так нахрена, спрашивается, мне этот тип, который является деловым партнером папеньки?

Вот пусть мой родитель с ним и встречается, а меня увольте.

Как я позавчера назвала Олега – “лысый дегенерат с одной извилиной и гипертрофированной манией величия”? Ох, чувствую, прилетит мне за мою самостоятельность. Но он меня реально вывел, когда его потные лапы дотронулись до моей коленки, а чуть позже полезли вверх по ноге. Стало безумно противно и тошно – неужели я, молодая и красивая, полная жизненных сил и энергии, не заслуживаю чего-то лучшего, чем толстого, лысого, сорокалетнего мужика с завышенной самооценкой и отсутствием мозгов в принципе?

Машина подъезжает к элитной высотке, и я прогоняю все ненужные воспоминания прочь. На сегодня ночлег нашелся, а завтра, как сказал мой спутник, и будем решать, что делать дальше.

– Ой, Леха, Леха, мне без тебя так плохо, – произношу вслух и усмехаюсь.

– Откуда такие познания отечественной попсы? – Водитель не отвлекается от дороги, плавно заезжая во двор и направляя автомобиль, как я понимаю, в сторону подземного паркинга.

– Не поверишь, – продолжаю улыбаться, так как настроение поднимается, и жизнь, кажется, налаживается в лучшую сторону. По крайней мере, в ближайшее время я смогу принять горячую ванную и согреться. Остальные проблемы будем решать по мере их поступления. – В восьмом классе влюбилась в первого красавца нашей школы.

– Если я правильно понимаю, то моего тезки? – наблюдаю, как на лице Алексея расплывается ответная ехидная улыбка.

– Угу, – киваю утвердительно головой. – А тут как раз по радио услышала старинный хит. Нашла в Интернете, скачала, выучила наизусть и по ночам слушала под одеялом, страдая от неразделенной любви.

– Посочувствовать? – Леха паркуется, глушит мотор и поворачивается ко мне лицом.

– Обойдусь, – фыркаю в ответ и отворачиваюсь.

Он усмехается и первым выходит из автомобиля. Помогает вылезти мне, забирает с заднего сиденья спортивную сумку и, придерживая меня за талию, ведет к выходу. Я кое-

как шкандыбаю рядом, точнее прыгаю на одной ноге, упираясь головой в район плеча парня, однако на лестнице происходит казус – ушибленная нога снова подворачивается, и я практически падаю. Леха крепко удерживает меня, не давая возможности распластаться прямо на ступеньках, но стон непроизвольно вырывается из моей груди.

– Черт! – я останавливаюсь и кривлюсь, так как боль в ноге не проходит. – Погоди немного, сейчас отпустит, и пойдем дальше.

– Откуда ты только свалилась на мою голову! – ворчит в ответ мой спутник, а после достает из кармана связку ключей, вкладывает ее мне в ладонь и резко подхватывает меня на руки. – Магнитный ключ приложи, – командует, когда подходит к двери, быстро поднявшись по ступенькам.

Умничать в ответ не хочется – парень старается, даже на руках носит, и мои ехидные реплики явно будут лишними. Делаю, как он говорит, открываю дверь, и мы попадаем в холл. Лифт поднимает нас на шестой этаж, и мне приходится снова под чутким руководством Алексея открывать дверь квартиры под номером сто один.

И уже внутри, когда мой спутник включает свет, я усаживаюсь на пуфик возле порога и, что называется, протягиваю ноги вперед, опираясь спиной о стену.

– Сил нет, – закрываю глаза и делаю глубокий вдох.

Слышу, как Леха скидывает одежду, а после чувствую его пальцы на своих ногах. Даже через кожу сапог ощущаю тепло от его ладоней – эк меня торкнуло. Наверное, головой сильно ударилась при падении, что какие-то ненужные мысли лезут в голову.

– Давай, помогу, – произносит парень негромко и начинает расстегивать молнию.

А я немного опешиваю, открываю глаза и даже подаюсь немного корпусом вперед, чтобы понаблюдать за ним.

Никто и никогда не ухаживал за мной! Не носил на руках, не предлагал ночлег и, тем более, не снимал с меня сапоги.

И как тут не потерять дар речи вместе со способностью двигаться и думать рационально?

Глава 20

С сапогами заканчиваем быстро – без каблучков гораздо удобнее передвигаться, хоть нога все равно болит при ходьбе. Чтобы не злоупотреблять чужим вниманием, до дивана кое-как допрыгиваю сама, и уже там разваливаюсь на мягкой поверхности и осматриваю свой сегодняшний ночлег.

Квартира шикарная, всё на высшем уровне – дорогой ремонт, новая мебель, продуманные детали интерьера. Да и сам Леха не подкачал – одет, правда, в спортивный костюм с кроссовками, но мой наметанный глаз сразу же определяет, что вещи куплены явно не распродаже. Упакованный мальчик, ничего не скажешь.

– Круто! – я поднимаю большой палец вверх после того, как осматриваю большую комнату-студию.

– Если ты о квартире, то она не моя, – спокойно выдает парень, подходя ко мне. Приходится голову задрать вверх, так как в моем сидячем положении Алексей кажется ну просто великаном.

– А чья? – поднимаю одну бровь вверх.

– Друга, – он снова присаживается на корточки и дотрагивается пальцами до ноги.

– Ай! – кривлюсь, не помню какой по счету раз.

– Больно? – каким-то уж очень печальным голосом спрашивает парень.

– Что ты, безумно приятно, – все-таки язвлю ему в ответ, хотя самой становится противно от этого. – Вот черт, – опускаю глаза вниз и наблюдаю, что вдобавок к ушибленной ноге я еще умудрилась и лосины порвать.

– Новые куплю, раз виноват, – теперь чувствуется, что мой спутник начинает раздражаться.

Еще бы – ведь наверняка чувствует себя виноватым, раз носит на руках, переживает о ноге и одежду собирает мне покупать. Прямо принц из сказки, а я, неблагодарная, только и делаю, что бросаю ехидные реплики ему в лицо.

– Проехали, – дотрагиваюсь до низа лосин, чтобы задрать их повыше и посмотреть, наконец-то, на свои боевые раны, однако одежда слишком узкая и никак не хочет поддаваться на мои попытки.

– Сними лучше, – Леха произносит на полном серьезе, и я как-то слишком быстро ему подчиняюсь. Встаю с дивана, берусь двумя руками за пояс лосин и начинаю их стягивать вниз, однако что-то щелкает у меня в голове, после чего я останавливаюсь и смотрю на парня, который не сводит с меня взгляда. – Считаю, что я врач.

– Отвернись хотя бы.

Я, конечно, барышня отчаянная и смелая, но раздеваться при постороннем мужчине еще не приходилось. И никак не пойму, почему же меня этот факт не сильно-то и смущает?

Алексей усмехается и закрывает глаза, мотая головой из стороны в сторону.

Пока не смотрит, я стягиваю лосины, снимаю капроновые носочки, скидываю курточку, оставаясь в одной короткой кофточке и бикини. Тоже мне, звезда выискалась – на улице холодина, а я вырядилась, как на курорт. Кто ж знал, что придется шляться по морозу битых полчаса, если не больше.

Плюхаюсь назад на диван, и тут от увиденного мои глаза округляются, после чего из груди вырывается только протяжный стон:

– М-мм!

Леха резко открывает глаза, смотрит на мою ногу, точнее на огромный синяк, который украшает щиколотку и тянется до половины колени, тяжело вздыхает и произносит свою любимую фразу (по крайней мере, пару раз за сегодняшний вечер я ее уже слышала из его уст):

– Твою мать! – поднимает глаза, в которых плещется вселенская печаль, и негромко заканчивает: – Ника, я, честное слово, не хотел.

– Ты еще приложи одну руку к сердцу, другую на Библию, и поклянись, – смеюсь ему в ответ, однако парень еще больше поникает после моей дурацкой шутки, снова опуская взгляд на мою ногу, и аккуратно дотрагивается до синяка пальцами. – Будем считать, что ночлегом ты искупил свою вину перед родиной. И раз уж я потерпевшая сторона, то носи меня в ванную, потому что я замерзла, и готовь ужин. Целый день ничего кроме кофе во рту не было.

Не с голой же задницей перед ним дефилировать, в самом-то деле, вот и пусть проявляет гражданскую сознательность. И насчет еды я не соврала – желудок уже начинает громко урчать, требуя запихнуть в него хоть кусок хлеба. А разговоры оставим на потом, так как ими точно сыт не будешь.

Алексей проводит рукой по лицу, в очередной раз тяжело вздыхает, затем приподнимается, берет меня на руки и, как пушинку, несет в ванную. По крайней мере, даже не запыхивается, да и не особо напрягается, крепко держа меня обеими руками. Надо же, какой сильный. Еще и сдержанный, ответственный, высокий, красивый – прямо душа радуется, глядя на сего представителя сильного пола. Есть же, оказывается, настоящие мужики, а не только мажоры, которые только и способны швырять всем в лицо кредитные карточки своих папаш и в случае проблем звонить начальникам служб безопасности, чтобы вытащили их из очередного дерьма.

Болтаю в воздухе ногами, пока Леша движется в сторону ванной. Оказывается, это так приятно, когда кто-то носит тебя на руках в прямом смысле этого слова. Обнимаю парня за шею и немного наглею, прижимаясь щекой к его груди.

А интересно, под спортивным костюмом есть кубики пресса? Почему-то мне кажется, что фигура у него отпад – девки слюни пускают при виде голого Лехи.

Точно треснулась сильно головой, потому что впервые в эту самую многострадальную голову приходят подобные мысли. Так и до “влюбиться” недалеко. Особенно в моем теперешнем случае.

Парень аккуратно ставит меня на ноги возле бортика ванной, а его рука скользит по моей спине и каким-то странным образом дотрагивается до попы. И замирает там. Задираю голову вверх и встречаюсь с блеском серых глаз.

Черт, у него даже глаза красивые!

Какой-то он уж очень идеальный получается.

Несколько секунд стоим на месте – моя рука на мужской груди, его на моей попе, и даже тела прикасаются друг к другу.

– Синий халат мой, – первым произносит Алексей хриплым голосом и сглатывает несуществующий комочек в горле. – Но можешь им воспользоваться, я не возражаю.

– Боюсь, утону в нем, – не прерывая зрительного контакта, отвечаю максимально спокойно, хоть в душе начинает загораться какое-то странное и непонятное пламя, разливаясь жаром по венам.

– Тогда принесу тебе футболку.

Он убирает руку, делает шаг назад, после чего разворачивается и выходит из ванной, закрывая за собой дверь.

– Только этого мне не хватало для полного счастья, – закатываю глаза и тяжело вздыхаю.

Целая ночь впереди, а меня уже тянет к парню, как магнитом. Никогда со мной такого не было! Да и не вела я себя подобным образом никогда. Но почему-то стало пусто и тоскливо, когда он отстранился и вышел из комнаты.

Включаю горячую воду, чтобы наполнить ванную, усмехаюсь, сидя на бортике, так как понимаю, что Алексея ждет сюрприз. Парень же еще не знает о моей фобии.

И как, скажите на милость, нам ночевать под одной крышей?

Горячая вода расслабляет – тело краснеет, дрожь проходит, я согреваюсь и чувствую себя намного лучше. Нахожу пену для ванной – чего, спрашивается, стесняться. Раз пригласил к себе, пусть теперь терпит мою наглость. К тому же запрета на пользование банными принадлежностями не было, так что не вижу повода отказать себе в удовольствии.

Уже собираюсь встать, чтобы ополоснуться под душем, так как вода постепенно начинает остывать, как раздаётся стук в дверь. Надо же, какой воспитанный. Как за задницу хватать, так разрешения не спрашивал, а тут прямо застеснялся.

А может, элементарно боится застать меня в голом виде?

– Войдите! – громко кричу и смеюсь своим мыслям.

Дверь открывается, и на пороге появляется Леха с красной футболкой в руке. Делает шаг и останавливается, сканируя меня взглядом. Точнее, мое лицо, потому что остальные части тела спрятаны под огромной пеной.

– Это тебе, – произносит после нескольких секунд молчания. Вешает футболку рядом с халатом и отворачивается, чтобы выйти из ванной, как мне в голову приходит очередная грандиозная мысль, как поиздеваться над парнем.

Согласна, перебор, но уж очень хочется его подразнить и вызвать хоть какие-то эмоции на его лице. А то молчит, как партизан, тяжело вздыхает и отводит взгляд – стеснительный какой выискался, чтоб его!

– Не хочешь присоединиться? – и наблюдаю, как Леха замирает на пороге. Стоит так пару секунд, после чего, даже не поворачивая головы в мою сторону, бросает с безразличием в голосе:

– Не провоцируй.

Выходит из комнаты и закрывает за собой дверь, чем вызывает у меня очередную улыбку на лице. В принципе, я и не ожидала согласия с его стороны, но уж очень почему-то нравится его дразнить. Интересно, а что бы я делала, если бы он согласился?

Пришлось бы сопротивляться и напоминать ему о его же обещаниях не приставать? Веду себя, как избалованная стерва. Парень, может, переживает о содеянном, пытается как-то компенсировать свой промах, а я в ответ нагло его провоцирую, периодически явно перебарщивая. Но почему-то мне кажется, что ничего плохого он мне не сделает.

В хорошем расположении духа заканчиваю водные процедуры, кое-как вылезаю из ванной, вспоминая, как прекрасно было, когда Леша носил меня на руках, и облачаюсь в огромную футболку красного цвета, которая больше тянет на платье. Размеров на пять больше.

Правда, перед тем, как надеть ее на себя, рассматриваю внимательно – сзади большая цифра “десять” и фамилия, написанная на английском.

Пантелеймонов. Теперь и паспорт можно не просить, чтобы узнать всю подноготную.

Почему-то мне все больше кажется, что он известный спортсмен. Но на всякий пожарный уточню, чтобы впросак не попасть со своими преждевременными умозаключениями.

– Красотка! – смотрю в зеркало на свою физиономию, а также на футболку на своем теле, куда еще пять меня, как минимум, могут поместиться. Закручиваю волосы в пучок и выхожу из ванной.

Точнее, хромаю, так как нога до сих пор болит. И сдаётся мне, что наступать на нее становится еще проблематичнее, чем было до этого.

– Все в порядке? – Алексей наблюдает за моими неловкими передвижениями из-за барной стойки.

– Почти, – допрыгиваю последние пару метров на одной ноге и взбираюсь на высокий стул. – Скажи, а поменьше размера не нашлось? – растягиваю футболку в разные стороны на талии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.